

ЖОРЖ СИМЕНОН

Бесс Метрз

СОМНЕНИЯ
МЕТРЭ

Annotation

На набережной Орфевр такое случается раз или два в год и порой длится так недолго, что просто не успеваешь этого заметить: после напряженного периода, когда дела следуют одно за другим без передышки, когда приходится вести одновременно по три-четыре дела, отчего все оперативники стоят на ушах и ходят с красными от недосыпа глазами, внезапно наступает тишина, можно даже сказать — пустота, нарушаемая редкими телефонными звонками, не имеющими значения...

- [Жорж Сименон](#)
    - [Глава 1](#)
    - [Глава 2](#)
    - [Глава 3](#)
    - [Глава 4](#)
    - [Глава 5](#)
    - [Глава 6](#)
    - [Глава 7](#)
    - [Глава 8](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
-

Жорж Сименон
«Сомнения Мегрэ»

Глава 1

Посетитель вторничного утра

На набережной Орфевр такое случается раз или два в год и порой длится так недолго, что просто не успеваешь этого заметить: после напряженного периода, когда дела следуют одно за другим без передышки, когда приходится вести одновременно по три-четыре дела, отчего все оперативники стоят на ушах и ходят с красными от недосыпа глазами, внезапно наступает тишина, можно даже сказать — пустота, нарушаемая редкими телефонными звонками, не имеющими значения.

Так было накануне, правда, понедельник всегда более свободный в сравнении с другими день. Такой же обстановка оставалась и во вторник, до одиннадцати часов утра. По широкому коридору слонялись явно неуютно чувствовавшие себя два или три жалкого вида стукача, пришедшие с обычным докладом, а в кабинете инспекторов все были на месте, за исключением гриппующих.

Таким образом, если обычно, во время запарки, Мегрэ не хватало людей и было трудно выделить оперативника для расследования нового дела, сегодня его бригада собралась почти в полном составе.

Похожая ситуация складывалась почти по всему Парижу. Было десятое января. После праздников люди жили в замедленном ритме, в состоянии похмелья, уже в ожидании приближения сроков внесения квартплаты и налогов.

Небо, в унисон с совестью и настроением горожан, было серым, почти того же оттенка, что мостовые. Было холодно, но не настолько, чтобы это внесло нотку живописности в парижский пейзаж и попало на страницы газет. Просто неприятный холод, который замечаешь, лишь похажив некоторое время по улицам.

Батареи в кабинетах были раскалены, их жар еще более утяжелял атмосферу. Время от времени в трубах слышалось бульканье, из котельной доносились таинственные звуки.

Как школьники в классах после экзаменов, все занимались теми мелкими делами, которые обычно откладывают на потом, обнаруживая

в ящиках столов старые рапорты, статистические отчеты, которые надо доставить, всевозможные нудные бумажные дела.

Люди, о которых пишут в прессе, почти в полном составе находились на Лазурном берегу или занимались зимними видами спорта.

В кабинете Мегрэ все еще стояла угольная печка, которую ему оставили после того, как здание подключили к системе центрального отопления. Время от времени он отвлекался от работы, чтобы подбросить в нее угля или переворошить его, разбрасывая веер красных искр.

Комиссар не был в плохом настроении; но и рабочего настроения тоже не было, и в автобусе, который вез его домой, на бульвар Ришар-Ленуар, он мысленно спросил себя, не заболевает ли он гриппом.

Может, он беспокоился из-за жены? Вчера его друг Пардон, доктор с улицы Пикпюс, неожиданно позвонил ему по телефону:

— Алло, Мегрэ... Не говорите мадам Мегрэ, что я ввел вас в курс...

— В курс чего?

— Она только что побывала у меня и очень настойчиво просила не говорить вам...

Меньше года назад комиссар сам ходил к Пардону и также просил не рассказывать жене о его визите.

— Главное, не волнуйтесь. Я ее внимательно осмотрел. Ничего серьезного.

Вчера, в момент этого телефонного разговора, Мегрэ был таким же отяжелевшим, как сегодня утром, и на столе перед ним лежал тот же самый рапорт, который он должен был отшлифовать.

— На что она жалуется?

— Уже некоторое время она задыхается, когда поднимается по лестницам, а по утрам чувствует тяжесть в ногах. Повторяю вам: ничего серьезного. Просто небольшие проблемы с кровообращением. Я прописал ей таблетки, которые надо пить перед каждым приемом пищи. Также сообщаю вам, чтобы вы не удивлялись, что я прописал ей диету. Ей надо сбросить пять-шесть килограммов, чтобы уменьшить нагрузку на сердце.

— Вы уверены, что...

— Клянусь вам, абсолютно никакой опасности, но я счел, что будет лучше поставить вас в известность. Если вы мне верите, сделайте вид, что ничего не замечаете.

Больше всего ее пугает, что вы станете волноваться из-за ее здоровья...

Насколько он знал жену, она наверняка купила лекарство в ближайшей аптеке. Звонок был утром. В полдень он наблюдал за мадам Мегрэ, которая при нем не пила никаких таблеток. Вечером тоже. Он стал искать флакон или коробочку в ящиках буфета, потом, как ни в чем не бывало, на кухне. Куда же она запрятала лекарство? Она ела меньше и отказалась от десерта. Это она, такая сладкоежка!

— Я решила немного похудеть, — бросила она шутливым тоном. — А то на мне все платья трещат...

Он верил Пардону, поэтому не испугался, но легкое беспокойство о здоровье мадам Мегрэ вызывало меланхолию. В прошлом году ему были предписаны три недели полного покоя. Теперь нездорова жена. Это означало, что они незаметно достигли возраста мелких недугов, необходимых небольших «починок», как автомобили, которые вдруг начинают нуждаться в еженедельном визите в автосервис. Вот только для машины можно купить новую деталь. Можно поменять даже двигатель.

Когда секретарь постучал в дверь и открыл ее, как обычно не дожидаясь ответа, Мегрэ думал об этом, сам того не замечая. Он оторвался от досье и уставился на старого Жозефа большими, казавшимися сонными глазами:

— В чем дело?

— Тут один человек настаивает, чтобы вы его приняли.

Жозеф, передвигавшийся совершенно бесшумно, подошел к столу и положил на него заполняемую каждым посетителем карточку.

Мегрэ прочитал написанную карандашом фамилию, но поскольку она ему ничего не говорила, не обратил на нее внимания. Он запомнил только, что она была двусложной. В памяти отложилось лишь имя посетителя — Ксавье, поскольку первым его начальником на набережной Орфевр был старик Ксавье Гишар.

Под напечатанными словами «Цель визита» было нечто вроде: «Совершенно необходимо поговорить с комиссаром Мегрэ».

Жозеф ждал с невозмутимым видом. В кабинете было достаточно темно, чтобы включить лампу, но комиссар об этом не подумал.

— Вы его примете?

Он кивнул в ответ, слегка пожав плечами. Почему бы не принять? Через секунду в кабинет вошел посетитель — мужчина лет сорока, во внешности которого не было ничего необычного — один из тысяч мужчин, быстрым шагом направляющихся после окончания рабочего дня к ближайшей станции метро.

— Простите, что доставляю вам беспокойство, господин комиссар...

— Садитесь.

Его собеседник немного нервничал, скорее, был взволнован, как и многие другие люди, входившие в этот кабинет. Темное пальто визитер расстегнул, прежде чем сесть, а шляпу сначала положил на колени, а потом на ковер у ног.

Он как-то механически улыбнулся, очевидно из робости, откашлялся и произнес:

— Труднее всего начать, правда? Разумеется, как и все, я уж не знаю сколько раз проговаривал в мыслях то, что скажу вам, когда придет время, но сейчас все мысли спутались...

Новая улыбка, которой он выпрашивал у комиссара одобрения или подбадривания. Но в том еще не проснулся интерес к посетителю. Этот человек пришел в Неудачный момент, когда мозг Мегрэ дремал.

— Вы, должно быть, принимаете много подобных визитеров, людей, идущих к вам со своими мелкими делами, будучи уверены, что эти дела вас заинтересуют.

Он был брюнетом, довольно симпатичным, хотя нос немного кривоват, а нижняя губа излишне полная.

— Могу вас заверить, что я не такой и долго колебался, прежде чем побеспокоить такого занятого человека, как вы.

Должно быть, он ожидал увидеть стол, заваленный папками с делами, два или три телефона, трезвонящих одновременно, снующих инспекторов, а на стульях развалившихся свидетелей и подозреваемых. Впрочем, в другой день он непременно застал бы эту картину во всей полноте, но его разочарование не вызвало улыбки у комиссара, который, казалось, вообще ни о чем не думает.

В действительности он рассматривал костюм визитера, пошитый из хорошей ткани и явно не районным портняжкой. Темно-серый, почти черный костюм. Черные ботинки. Нейтральный галстук.

— Позвольте вас заверить, господин комиссар, что я не сумасшедший. Не знаю, знаете ли вы доктора Стейнера с площади Данфер-Рошро. Это невропатолог и, как мне кажется, в большей или меньшей степени может считаться психиатром. Его неоднократно привлекали в качестве эксперта к различным судебным процессам.

Густые брови Мегрэ слегка поднялись, но именно слегка.

— Вы консультировались у Стейнера?

— Да, я ходил к нему на консультацию и попутно сообщу вам, что эти консультации продолжаются по часу и проводит он их очень тщательно. Так вот, он у меня ничего не нашел и считает меня совершенно нормальным.

Что же касается моей жены, которую он не видел...

Мужчина замолчал, так как этот монолог был не совсем таким, какой он подготовил заранее и пытался вспомнить дословно. Он машинально достал из кармана пачку сигарет, но не решился попросить позволения закурить.

— Можно, — разрешил Мегрэ.

— Благодарю вас.

Прикуривал он неловко от волнения.

— Прошу прощения. Мне следовало бы лучше владеть собой. Не могу не волноваться. Это первый раз, когда я вижу вас во плоти, да еще в вашем кабинете, с вашими трубками...

— Можно спросить, кто вы по профессии?

— Мне следовало с этого начать. Профессия у меня не очень распространенная, и, как многие другие, вы, возможно, улыбнетесь. Я работаю в универмаге «Лувр» на улице Риволи. Официально моя должность называется — старший продавец отдела игрушек. Сами понимаете, в праздники у меня была полная запарка. На самом деле у меня есть специализация, которая забирает большую часть времени: я занимаюсь игрушечными железными дорогами.

Заговорив о любимом деле, он, казалось, забыл о цели своего прихода, о том, где находится.

— Вы в декабре проходили мимо универмага «Лувр»?

Мегрэ не ответил ни «да», ни «нет». Он очень смутно помнил гигантскую светящуюся композицию в витрине и не мог бы сказать, что именно изображали двигающиеся фигурки.

— Если проходили, то непременно видели в третьей витрине на улице Риволи точную копию вокзала Сен-Лазар со всеми путями, пригородными электричками и скорыми поездами, семафорами, стрелками. Это заняло у меня три месяца работы, мне пришлось ездить за частью материала в Швейцарию и Германию. Вам это, возможно, покажется ребячеством, но если бы я сказал, какую прибыль мы имеем с одних только игрушечных железных дорог... И главное, не думайте, что наша клиентура состоит только из детей. Взрослые люди, в том числе очень богатые, увлекаются игрушечными железными дорогами и вызывают меня в свои особняки, чтобы... — Он снова перебил себя: — Я вас утомляю?

— Нет.

— Вы меня слушаете?

Мегрэ кивнул. Его посетителю было между сорока и сорока пятью, на пальце он носил обручальное кольцо червонного золота, широкое и плоское, почти такое же, как у самого комиссара. Булавка его галстука изображала железнодорожный семафор.

— Совсем заговорился. Я ведь пришел к вам не затем, чтобы рассказывать про игрушечные поезда. Однако вам же необходимо составить обо мне представление, верно?

Что еще вам сказать? Живу я на авеню Шатийон, возле церкви Сен-Пьер-де-Монруж, в XIV округе, занимаю одну и ту же квартиру восемнадцать лет. Нет, девятнадцать... Точнее, в марте будет девятнадцать... Женат...

Он сожалел, что не может говорить яснее и перегружает рассказ деталями. По мере того как в памяти у него всплывали детали, он их взвешивал, мысленно спрашивая себя, важны они или нет, и в зависимости от ответа высказывал вслух или отбрасывал.

Он посмотрел на часы:

— Вот именно потому, что я женат... — Улыбнулся, извиняясь: — Было бы проще, если бы вы задавали мне вопросы, но вы не можете этого сделать, потому что не знаете, о чем идет речь...

Мегрэ был недалек от того, чтобы начать себя упрекать за такую статичность. Но то была не его вина. Он почти не интересовался тем,

что ему рассказывали, и сожалел о своем разрешении Жозефу пропустить посетителя.

— Я вас слушаю...

Дабы чем-то занять себя, комиссар набил трубку, бросил взгляд в окно, за которым все было бледно-серым. Казалось, открывался вид на выцветшую декорацию провинциального театра.

— Прежде всего, господин комиссар, подчеркну, что я не обвиняю. Я люблю жену. Мы, Жизель и я, женаты уже пятнадцать лет и по-настоящему ни разу не ссорились. Я говорил об этом доктору Стейнеру, после того как он меня осмотрел, а он мне озабоченно ответил: «Мне бы хотелось, чтобы вы привели ко мне вашу жену».

Но под каким предлогом я могу попросить Жизель пойти со мной к невропатологу? Не могу же я утверждать, что она сумасшедшая, поскольку продолжает работать и никто на нее не жалуется.

Видите ли, я не очень образован. Я воспитывался в приюте, но учился самостоятельно. Все, что я знаю, почерпнуто из книг, которые читал после работы.

Я интересуюсь всем, а не только игрушечными поездами, как вы могли бы подумать, и считаю знание самым ценным благом из всех, что может иметь человек.

Прошу прощения за такое длинное вступление. Оно необходимо для того, чтобы вы поняли, почему, когда Жизель стала себя вести по отношению ко мне иначе, я отправился в библиотеки, в том числе Национальную, чтобы полистать книги, приобретение которых стоило бы мне слишком дорого. Кроме того, моя жена забеспокоилась бы, найдя их дома...

Доказательством того, что Мегрэ все менее внимательно слушал рассказ, был его вопрос:

— Книги по психиатрии?

— Да. Не стану утверждать, что все в них понял. Большинство написано слишком сложным для меня языком.

Тем не менее я нашел труды по неврозам и психозам, которые заставили меня задуматься. Полагаю, вам известна разница между неврозами и психозами? Я также изучал шизофрению, но, положа руку на сердце, думаю, что до этого дело еще не дошло...

Мегрэ подумал о своей жене, о Пардоне и посмотрел на небольшую черную бородавку в углу рта посетителя.

— Если я правильно вас понимаю, вы подозреваете, что ваша жена не совсем нормальна?

Главное было сказано. Посетитель немного побледнел и дважды или трижды судорожно сглотнул, прежде чем заявить, явно тщательно подбирая слова и взвешивая их смысл:

— Я убежден, что в течение нескольких месяцев, минимум пяти или шести, моя жена имеет намерение убить меня. Вот почему, господин комиссар, я хотел встретиться с вами лично. У меня нет конкретных доказательств, иначе я бы начал прямо с них. Но я готов изложить вам те признаки, которыми располагаю. Они двух родов. Первые — психологические, их, как вы понимаете, труднее всего изложить. Это мелочи, совершенно непримечательные каждая сама по себе, но, если их рассмотреть в целом, они приобретают определенный смысл.

Что же касается материальных признаков, есть один.

Я его принес. И это наиболее беспокоит...

Он залез под пальто, расстегнул пиджак, вынул бумажник и достал из него листок, сложенный так, как пакетик, в которые аптекари еще упаковывают порошки от головной боли.

В бумажке действительно находился порошок грязно-белого цвета.

— Оставляю вам этот образец, чтобы вы могли отдать его на экспертизу. Прежде чем обратиться к вам, я попросил одного продавца из «Лувра», увлекающегося химией, сделать свой анализ. У него дома настоящая лаборатория. Так вот, он абсолютно уверен, что это белый фосфат. Не фосфор, как можно было бы подумать, а именно соединение фосфора с другим элементом. Я проверял по словарям. Не только по «Ларуссу», но и по специальным химическим. Белый фосфат — почти бесцветный порошок, очень токсичный. Когда-то он в микроскопических дозах использовался для лечения некоторых заболеваний, и отказались от него именно из-за токсичности.

Он замолчал, несколько обескураженный, что Мегрэ по-прежнему сидит с невозмутимым, как будто даже отсутствующим видом.

— Моя жена не интересуется химией. Не проходит никакого лечения. Не больна ни одной из тех болезней, от которых в крайнем случае могли бы прописать фосфат цинка. А в доме я нашел не эти несколько граммов, а целый флакон, в котором минимум пятьдесят

граммов. Кстати, я нашел его чисто случайно. На первом этаже у меня есть своего рода мастерская, где работаю над изготовлением макетов, занимаюсь мелкими изысканиями в механике. Да, согласен, речь идет всего лишь об игрушках, но эти игрушки, как я уже говорил, представляют...

— Я понял.

— Однажды вечером, когда жены дома не было, я опрокинул на верстак баночку клея, ну и залез в чуланчик, где хранятся швабры и моющие средства. Я искал какой-нибудь растворитель и случайно наткнулся на флакон без этикетки, форма которого мне показалась странной.

Теперь, если вы проведете параллель между данной находкой и тем, что за эти последние месяцы я впервые в жизни почувствовал некоторое недомогание, о котором рассказал доктору Стейнеру...

В кабинете зазвонил телефон, и Мегрэ, сняв трубку, услышал голос директора уголовной полиции.

— Это вы, Мегрэ? У вас найдется несколько минут?

Я хотел бы познакомить вас с одним американским криминалистом, который сейчас находится в моем кабинете и очень хочет пожать вам руку.

Положив трубку на рычаг, Мегрэ посмотрел по сторонам. На столе не лежало никаких конфиденциальных бумаг. К тому же его посетитель не выглядел опасным.

— Вы позволите? Я всего на несколько минут.

— Конечно, пожалуйста...

Однако, будучи уже у двери, он машинально вновь пересек кабинет и по привычке заглянул в кабинет инспекторов. Но не дал никому из подчиненных никакого особого задания. Он об этом даже не подумал.

Через несколько минут он уже открывал обитую кожей дверь кабинета патрона. Высокий рыжий малый, встав с кресла, энергично пожал ему руку и сказал на французском с едва заметным акцентом:

— Для меня огромная радость видеть вас живьем, месье Мегрэ. Когда вы приезжали в Штаты, я не смог с вами встретиться, поскольку находился в Сан-Франциско, а до наших краев вы так и не добрались. Мой друг Фрэнк Уорд, принимавший вас в Нью-Йорке и

сопровождавший в Вашингтон, рассказывал мне о вас много интересного.

Директор жестом разрешил Мегрэ сесть.

— Надеюсь, я не оторвал вас от одного из тех великолепных допросов, которые нам, американцам, кажутся такими любопытными.

Комиссар поспешил его успокоить. Гость директора протянул ему пачку сигарет, но тут же спохватился:

— Я забыл, что вы фанатик трубки...

Это периодически повторялось, и всегда с одними и теми же фразами, одинаковыми вопросами, тем же самым преувеличенным и смущающим восхищением. Мегрэ, который терпеть не мог, чтобы на него смотрели как на некую диковину, старался не показывать своего недовольства и в такие моменты улыбался особой улыбкой, сильно веселившей его начальника.

За одним вопросом следовал другой. Разговор зашел о технических средствах, потом о знаменитых уголовных делах, по которым Мегрэ пришлось высказывать свое мнение.

Затем неизбежно возник вопрос о методах работы комиссара, что всегда его раздражало, и он, желая разрушить сложившуюся вокруг его имени легенду, постоянно повторял, что никаких особых методов у него нет, но ему никто не верил.

Желая освободить Мегрэ, директор встал со словами:

— А теперь, если не возражаете, мы покажем вам наш музей...

Посещение музея было непременной частью любого визита подобного рода, и Мегрэ, после нового рукопожатия, еще более сильного, чем его, смог наконец вернуться к себе в кабинет.

Он вошел и в удивлении замер на пороге: в кресле, где сидел продавец игрушечных поездов, никого не было.

Кабинет был пуст, лишь где-то под потолком еще витал сигаретный дым.

Он направился к кабинету инспекторов:

— Он ушел?

— Кто?

Жанвье и Люка играли в карты, что случалось с ними раза по три в год, не считая ночных дежурств.

— Никто... Не имеет значения...

Мегрэ вышел в коридор, где старик Жозеф читал газету.

— Мой посетитель ушел?

— Не так давно. Он вышел из вашего кабинета, сказал, что ждать дольше не может, что ему непременно нужно идти в магазин, где его ждут. А что, я должен был?..

— Нет. Ничего.

Тот человек был волен уйти, поскольку никто не заставлял его приходить.

В этот самый момент Мегрэ заметил, что забыл его имя.

— Полагаю, Жозеф, вы не знаете, как его зовут?

— Признаюсь, господин комиссар, что я не посмотрел на карточку.

Мегрэ вернулся к себе, сел за стол и вновь занялся работой над рапортом, в которой не было ничего увлекательного. Отопление, похоже, сломалось, потому что батареи никогда еще не были такими обжигающими, а в трубах слышались тревожные звуки. Комиссар чуть не встал, чтобы повернуть рычажок выключателя, но у него не хватило смелости, и он протянул руку к телефону.

Мегрэ собирался позвонить в универмаг «Лувр» и узнать фамилию старшего продавца отдела игрушек. Но, если он это сделает, не спросят ли там, с чего бы это полиция заинтересовалась их сотрудником? Не причинит ли Мегрэ этим звонком вред своему посетителю? Он поработал еще немного, а потом почти машинально снял трубку.

— Вы можете соединить меня с доктором Стейнером, живущим на площади Данфер-Рошро?

Меньше чем через две минуты зазвонил телефон.

— Доктор Стейнер у аппарата.

— Простите за беспокойство, доктор... Это Мегрэ...

Да, комиссар уголовной полиции. Насколько мне известно, вы недавно принимали пациента по имени Ксавье, фамилию я запомнил...

Врач на том конце провода, похоже, тоже не мог вспомнить.

— Он работает в отделе игрушек. Главным образом продает электрические поезда... Он якобы ходил к вам убедиться, что не сошел с ума, а затем заговорил с вами о своей жене...

— Секундочку, пожалуйста. Я должен свериться с моими карточками.

Мегрэ услышал, как он кому-то говорит:

— Мадемуазель Берта, будьте так любезны...

Должно быть, врач отошел от аппарата, потому что конца фразы комиссар не услышал. Тишина на линии длилась долго, и Мегрэ подумал, что их разъединили.

Судя по голосу, Стейнер был человеком холодным, очевидно, тщеславным и, уж во всяком случае, уверенным в собственной значимости.

— Могу я вас спросить, комиссар, по какой причине вы мне позвонили?

— Этот господин только что побывал в моем кабинете и ушел до того, как мы закончили разговор. Разговаривая с ним, я случайно порвал на мелкие кусочки карточку, на которой была записана его фамилия.

— Вы его вызывали?

— Нет.

— В чем его подозревают?

— Ни в чем. Он пришел по собственной инициативе поведать свою историю.

— Что-то случилось?

— Не думаю. Он рассказал мне о некоторых опасениях, которыми, как мне кажется, он поделился и с вами...

Только один врач из сотни бывает так мало расположен к сотрудничеству с полицией, и надо же было Мегрэ наткнуться именно на такого...

— Полагаю, — заявил Стейнер, — что профессиональная этика не позволяет мне разглашать...

— Доктор, я не прошу вас выдавать врачебную тайну. Я прошу вас просто сказать мне фамилию этого Ксавье. Я мог бы ее узнать немедленно, позвонив в универмаг «Лувр», где он работает, но подумал, что, действуя таким образом, могу повредить его репутации в глазах начальства.

— Это действительно возможно.

— Также мне известно, что он живет на авеню Шатийон, и мои люди, расспрашивая консьержек, придут к тому же результату. Таким образом мы можем причинить вашему пациенту вред, спровоцировав нежелательные сплетни и слухи.

— Понимаю.

— Так что?

— Его фамилия Мартом. Ксавье Мартон, — с неохотой ответил невропатолог.

— Когда он к вам приходил?

— Думаю, на этот вопрос я также могу ответить. Примерно три недели назад, точнее, двадцать первого декабря...

— Значит, в тот момент, когда он был очень занят из-за рождественских праздников. Полагаю, он был сильно возбужден?

— Что вы говорите?

— Послушайте, доктор, еще раз вам повторяю: я не прошу вас выдавать никакие тайны. Мы, как вы знаете, располагаем быстрыми и эффективными способами получения информации.

На том конце провода повисла тишина. Мегрэ готов был поклясться, что это осуждающая тишина. Должно быть, доктор Стейнер не любил полицию.

— Ксавье Мартон, — продолжал Мегрэ, — у меня в кабинете вел себя как совершенно нормальный человек.

Однако...

— Однако? — переспросил доктор.

— Я не психиатр и после того, как выслушал его, хотел бы узнать, имел ли я дело с человеком неуравновешенным или...

— Что вы называете «неуравновешенным»?

Мегрэ, красный от раздражения, крепко сжимал в руке трубку телефона.

— Если у вас, доктор, есть чувство ответственности и если вы так дорожите сохранением врачебной тайны, нарушить которую я вас вовсе не призываю, то хочу вас заверить, у нас тоже есть чувство ответственности. Мне неприятно думать, что я дал уйти человеку, который завтра может...

— Я тоже дал ему уйти из моего кабинета.

— То есть вы не считаете его сумасшедшим?

Вновь молчание.

— Что вы думаете о его рассказе про его жену? Здесь он не успел закончить свою историю...

— Я не осматривал его жену.

— А с его слов вы не составили никакого впечатления...

— Впечатления?

— Вам больше нечего добавить?

— Сожалею, нечего. Простите, меня ждет пациент.

Мегрэ швырнул трубку на рычаг с такой силой, словно хотел расшибить ее о голову врача. Потом, почти мгновенно, его ярость улеглась, он пожал плечами и даже улыбнулся.

— Жанвье! — крикнул он так, чтобы его услышали в соседнем кабинете.

— Да, патрон.

— Сходи в универмаг «Лувр», поднимись на этаж, где продают игрушки, и, изображая покупателя, найди мужчину, который руководит этим отделом. Возраст: от сорока до сорока пяти, брюнет, на губе волосатая бородавка.

— И что мне у него спросить?

— Ничего. Я хочу узнать, соответствует ли заведующий отделом этому описанию и зовут ли его Ксавье Мартон.

Кстати, если это он, прояви интерес к железным дорогам, чтобы его разговорить. Понаблюдай за ним, и все.

— Это о нем вы сейчас говорили по телефону?

— Да. Ты слышал?

— Хотите узнать, чокнутый он или нет?

Мегрэ только пожал плечами. В другой день он, возможно, забыл бы о визите Мартона через несколько минут после его ухода. В уголовной полиции привыкли принимать сумасшедших и полусумасшедших индивидов обоюго пола, считающих себя призванными спасти мир от гибели, и тех, кто убежден, что таинственные враги покушаются на их жизнь или на тайны, которыми они владеют.

Специальная бригада, «криминалка», как ее называют в обиходной речи, не психиатрическая больница и подобными личностями занимается лишь в том случае, когда они нарушают закон, а это, к счастью, случается далеко не всегда.

Было около полудня. Комиссар подумал, не позвонить ли Пардону, но сказал себе, что не стоит — в утреннем визите не было ничего такого, что отличало бы его от сотни подобных, бывших в прошлом.

Почему он подумал о таблетках, которые жена должна была принимать перед едой? Из-за фосфата цинка, который Ксавье Мартон якобы обнаружил в шкафчике, где хранятся швабры. Где же мадам Мегрэ прячет свое лекарство, не желая волновать мужа?

Заинтригованный этим вопросом, он пообещал себе обыскать всю квартиру. Должно быть, она долго размышляла, подыскивая хитрый тайник, о котором он никогда не подумает. А пока комиссар закрыл папку с документами, убавил наполовину мощность батареи отопления и заколебался, стоит ли оставлять окно открытым на тот час, что продлится обеденный перерыв.

Выходя, он заметил на столе конвертик с белым порошком и отнес его Люка:

— Отдай в лабораторию. Пусть во второй половине дня скажут мне, что это такое.

Выйдя на набережную, он почувствовал себя зябко, поднял воротник пальто, сунул руки в карманы и направился к автобусной остановке.

Ему очень не понравился доктор Стейнер, о котором он думал гораздо больше, чем о специалисте по игрушечным поездкам.

Глава 2

Страховой агент

Как и в течение многих и многих лет, ему не пришлось стучать в дверь — она открылась в тот самый момент, когда он ступил на коврик перед ней. Мегрэ даже не помнил, когда в последний раз пользовался звонком.

— Ты рано, — заметила жена.

И тут же слегка нахмурила брови, как происходило всегда, когда замечала, что он озабочен. Из этого правила также не бывало исключений. Она улавливала малейшее изменение его настроения и, если не задавала прямых вопросов, все же пыталась угадать, что его беспокоит.

В данный момент это был вовсе не визит продавца игрушечных железных дорог. Возможно, в автобусе Мегрэ о нем еще думал, но озабоченное, чуть меланхоличное выражение его лица было вызвано воспоминанием, всплывшим у него в памяти, когда он сделал остановку на площадке третьего этажа. Прошлой зимой старуха, жившая в квартире над ними, когда он приподнял шляпу, приветствуя ее, случайно встретив перед комнаткой консьержки, сказала:

— Вы бы сходили к доктору, месье Мегрэ.

— Я плохо выгляжу?

— Нет. Я даже не обратила внимания на ваш вид.

Ваши шаги на лестнице стали тяжелее, и через каждые четыре-пять ступенек вы делаете короткую остановку.

Нет, к Пардону он через несколько недель пошел вовсе не из-за нее, но она тем не менее оказалась права. Стоило ли объяснять жене, что именно из-за этого воспоминания он выглядел таким отстраненным.

Мадам Мегрэ еще не накрыла на стол. Как и обычно, он бродил из столовой в гостиную и почти неосознанно открывал ящики буфета, приподнимал салфетку, прикрывавшую ларчик, в котором они держали всякую мелочь.

— Ты что-то ищешь?

— Нет.

Комиссар искал лекарство. Это его интриговало. Он задавался вопросом, найдет ли тайник.

И потом, Мегрэ действительно был не в духе. А что, он не имеет права похандрить в холодный серый зимний день? Он пребывал в таком настроении с самого утра и не считал его таким уж неприятным. Вполне можно быть ворчливым, не будучи при этом несчастным.

Ему не нравились быстрые взгляды украдкой, которые на него бросала жена. Они вызывали у него чувство вины, тогда как он ни в чем не был виноват. Что ей сказать, чтобы успокоить? Что Пардон рассказал ему о ее визите?

В глубине души Мегрэ только сейчас начинал осознавать, что обижен и немного грустен из-за утреннего посетителя. Вот они, маленькие, очень личные тайны, которые никому не доверяешь и в которых не любишь признаваться самому себе.

Тот парень, специалист по игрушечным поездам, не был занудой вроде тех, что в огромном количестве таскаются по коридорам здания уголовной полиции. У него была проблема. Он решил откровенно изложить ее Мегрэ. Не первому попавшемуся полицейскому, а именно Мегрэ. Но, когда тот вернулся к себе в кабинет после встречи с американцем, Ксавье Мартона там уже не было. Он ушел, не дойдя до конца своих откровений.

Почему? Спешил? Или потому, что был разочарован?

Еще до прихода он составил себе четкое представление о комиссаре. Должно быть, ожидал с его стороны понимания, немедленного человеческого контакта. А нашел тяжеловесного человека, отупевшего от жара перегревшихся батарей отопления, смотревшего на него равнодушно, если не со скукой.

Ладно, это пустяк. Просто промелькнувшая тень. Через несколько минут Мегрэ об этом забудет. За столом он специально заговорил совсем о другом:

— Тебе не кажется, что сейчас самое время нанять горничную? На седьмом этаже у нас есть комнатка, которой мы никогда не пользовались...

— И что она будет делать?

— Работу, черт возьми! Скажем так: самую тяжелую работу.

Лучше бы ему было не касаться этой темы.

— Обед не вкусный?

— Вкусный. Просто ты устаеть.

— Дважды в неделю приходит домработница, которая помогает мне убирать квартиру. Ты можешь сказать, что я буду делать, если у нас появится еще и горничная?

Так! Теперь загрустила его жена. Она поняла его так, будто он хочет отнять часть ее прав, наиболее дорогих ей.

— Ты считаешь, что я старею?

— Все мы стареем. Я не это хотел сказать. Мне показалось...

Бывают же дни, когда хочешь сделать как лучше, а все идет наперекосьяк. Закончив обед, он набрал телефонный номер. Ответил знакомый голос.

— Это вы, Пардон? — спросил он. И понял, что совершил бессмысленную жестокость. Жена испуганно смотрела на него, опасаясь, что он сейчас узнает ее тайну. — Это Мегрэ.

— Что-то случилось?

— Нет. Я абсолютно здоров. — И поспешно добавил: — И жена тоже. Скажите, вы очень заняты?

Ответ Пардона вызвал у него улыбку. Он показался смешным, потому что сам Мегрэ мог бы ответить то же самое.

— Полный штиль! В ноябре и декабре все как сговорились болеть одновременно, я не спал в своей постели и трех полных ночей. В праздники — несколько сильных похмелий да приступы печени. А теперь, когда люди растратили все деньги, за исключением строгого минимума, необходимого, чтобы дотянуть до конца месяца, все разом выздоровели...

— Можно к вам зайти? Мне хотелось бы поговорить об одном человеке, который сегодня утром заходил к нам в полицию.

— Жду вас.

— Прямо сейчас?

— Если вам это удобно.

— Ты точно не из-за твоего здоровья? — спросила мадам Мегрэ. — Ты себя плохо чувствуешь?

— Нет, клянусь тебе.

Он поцеловал ее, потрепал по щеке и прошептал:

— Не обращай внимания. Наверное, я сегодня просто встал не с той ноги.

Он не спеша дошел до улицы Пикпюс, где в старом доме без лифта жил Пардон.

Горничная, знавшая комиссара, провела его не через приемную, а по коридору и через черный ход.

— Он освободится через минуту. Как только пациент уйдет, я вас провожу.

Когда Мегрэ вошел в кабинет с матовыми стеклами, Пардон был в белом халате.

— Надеюсь, вы не рассказали жене о моем звонке вам? Она мне этого не простит до конца жизни.

— Я рад, что она наконец-то обратилась к врачу. А у нее правда ничего серьезного?

— Абсолютно ничего. Через несколько недель, скажем через три месяца, сбросив несколько килограммов, она почувствует себя на десять лет моложе.

Мегрэ кивнул в сторону приемной:

— Не отнимаю время у ваших пациентов?

— Их всего двое, и делать им абсолютно нечего.

— Вы знаете некоего доктора Стейнера?

— Невропатолога?

— Да. Он живет на площади Данфер-Рошро.

— Был шапочно знаком во время учебы — он почти мой ровесник, — а потом потерял из виду, на слышал о нем от коллег. Один из самых блестящих специалистов своего поколения. Отлично сдал все экзамены, работал интерном, а затем заведующим в больнице Святой Анны. Затем получил степень агреже, и можно было ожидать, что станет одним из самых молодых профессоров...

— И что случилось?

— Ничего. Всему виной его характер. Возможно, он слишком высоко себя ценил. Он почти агрессивно демонстрирует свое профессиональное превосходство, в то же время очень неуравновешен, и каждый случай из практики вызывает у него моральные терзания. В войну он отказался носить желтую звезду, утверждая, что в его жилах нет ни капли еврейской крови. Немцы в конце концов доказали обратное и отправили его в концлагерь. Оттуда он вернулся желчным, злым. Воображает, будто ходу ему не дают из-за его национальности,

но это полная чушь, потому что на нашем факультете всегда было много профессоров-евреев. У вас с ним какие-то дела?

— Утром я звонил ему. Хотел получить некоторые сведения, но теперь понимаю, что упорствовать бесполезно.

Мегрэ не знал, с чего начать, в чем уподобился своему сегодняшнему посетителю.

— Это не по вашей специальности, но я бы хотел узнать ваше мнение относительно одной истории, которую мне сегодня рассказали. Ко мне в кабинет заявился субъект лет сорока, выглядевший совершенно нормально, говоривший без лихорадочного возбуждения, без экзальтации, взвешивая слова. Он женат лет двенадцать и, если не ошибаюсь, столько же времени, даже дольше, живет на авеню Шатийон.

Пардон прикурил сигарету и внимательно слушал.

— Он занимается электрическими поездами.

— Инженер на железной дороге?

— Нет. Я имел в виду игрушечные поезда.

Пардон нахмурил брови.

— Знаю, — сказал Мегрэ, — меня это тоже поразило, но это не хобби. Он старший продавец отдела игрушек в универмаге и в числе прочего собрал для праздничного оформления витрины большой макет. То есть, насколько я могу судить, психически он вполне здоров.

— Какое преступление он совершил?

— Никакого. По крайней мере, я так полагаю. Он мне рассказал, что в течение некоторого времени жена имеет намерение убить его.

— Как он это заметил?

— Он ушел прежде, чем сообщил мне детали. Все, что я знаю: он нашел в кладовке, где хранятся швабры и моющие средства, флакончик с довольно большим количеством фосфата цинка.

Пардон стал более внимательным.

— Он сам отдавал порошок на анализ и, похоже, прочитал о фосфате все, что нашел. И принес нам образец.

— Вы хотите знать, яд ли это?

— Полагаю, это токсичное соединение.

— Очень токсичное. В некоторых местностях его используют для уничтожения полевых мышей. Он болел?

— Неоднократно чувствовал недомогание.

— Он подал заявление?

— Нет. Исчез из моего кабинета прежде, чем сказал, чего хочет. Вот это-то меня и беспокоит.

— Кажется, я понимаю... Он ходил к Стейнеру? Вместе с женой?

— Нет. Один. С месяц назад он обследовался, чтобы убедиться...

— ...что не сумасшедший?

Мегрэ кивнул и, раскурив погасшую трубку, продолжал:

— Я мог бы вызвать его в свой кабинет и даже заставить пройти медосмотр, коль скоро Стейнер укрывается за врачебной тайной. Когда я говорю «мог бы», я, возможно, немного преувеличиваю, потому что против него ничего нет. Он пришел ко мне по своей воле. Рассказал историю, которая выглядит совершенно правдоподобно.

Ни он, ни кто бы то ни было другой не обращался в полицию с официальным заявлением, а закон не запрещает хранение некоторого количества токсичного вещества. Вы понимаете проблему?

— Понимаю.

— Возможно, его история — правда. Если я схожу к его начальству, расспрошу о его поведении, то могу доставить ему большие неприятности, поскольку в крупных универмагах, как и в госучреждениях, не любят людей, к которым проявляет интерес полиция. Если начну расспрашивать консьержку и соседей, по кварталу поползут слухи...

— Вы понимаете, о чем просите, Мегрэ? Высказать мнение о человеке, которого я никогда не видел, да и вы его практически не знаете. К тому же я всего лишь районный врач, имеющий очень смутные представления о невропатологии и психиатрии.

— Помню, я видел в вашей библиотеке немало книг по психиатрии...

— Между моим интересом к ней и возможностью поставить правильный диагноз. — пропасть. В целом вы хотели бы знать причину, по которой он пришел рассказать вам свою историю?

— Это первый вопрос. Он продолжает жить с женой и, похоже, не собирается с ней расходиться. Не попросил меня арестовать ее или хотя бы начать в отношении нее расследование. А когда мне пришлось выйти из кабинета — всего на несколько минут, поскольку меня вызвали к начальнику, — он убежал, как будто не захотел исповедоваться до конца. Это вам ни о чем не говорит?

— Причин этому может быть много. Видите ли, Мегрэ, в те времена, когда я учился, к этим вопросам относились проще, чем теперь. Впрочем, так было во всей медицине, да и в остальных науках. Когда в суде эксперта спрашивали, вменяем ли подсудимый, эксперт чаще всего отвечал «да» или «нет». Вы читаете криминологические журналы?

— Некоторые.

— В таком случае вы, как и я, знаете, что не так-то просто провести грань между психозами, неврозами, психоневрозами и иногда шизофренией. Разница между человеком в здравом уме и психопатом либо невропатом становится все более незаметной, а если следовать мнению некоторых зарубежных ученых... Но я не собираюсь читать лекцию о науке и псевдонауке...

— На первый взгляд...

— На первый взгляд ответ на ваш вопрос зависит от специалиста, к которому вы обратились. Например, история с игрушечными железными дорогами, даже если это профессия — а ведь профессию он выбирал себе сам, — может быть интерпретирована как признак неспособности адаптироваться к реальности, что привело бы к заключению: психоневроз. Факт прихода на набережную Орфевр и добровольный рассказ о своей личной жизни заставили бы насторожиться многих психиатров, как и факт обращения к невропатологу с целью убедиться в своем психическом здоровье.

Мегрэ нисколько не продвинулся, поскольку обо всем этом уже думал сам.

— Вы мне говорите, что он был спокоен, разговаривал хладнокровно, без видимого волнения, во всяком случае излишнего волнения. Но это можно повернуть как в его пользу, так и ему во вред, равно как и то, что он отдал на анализ фосфат цинка и прочитал об этом соединении все, что смог прочитать. Он не утверждал, что его жена сходит с ума?

— Не совсем так. Я не помню разговор до мельчайших деталей. По правде говоря, вначале я слушал его вполуха. В кабинете было очень жарко. Я немного отяжелел...

— Если он подозревает свою жену в безумии, это тоже признак. Но вполне возможно, что его жена действительно...

Мегрэ встал с кресла и принялся расхаживать по кабинету туда-сюда.

— Лучше бы мне не заниматься этим! — пробурчал он, точно не для своего друга Пардона, а для себя. И тут же добавил: — И тем не менее я знаю, что займусь этим.

— Не исключено, что злой умысел существует лишь в его воображении и что он сам купил фосфат.

— А это вещество продается свободно? — спросил Мегрэ.

— Нет. Но магазин, в котором он работает, мог приобрести его, например чтобы морить крыс.

— Предположим, Мартон входит в категорию людей, о которой вы подумали. Этот человек опасен?

— Он может стать опасным в любое время.

— А если предположить, что жена действительно пытается его...
— Внезапно Мегрэ остановился перед доктором и выругался: — Твою мать! — И тут же улыбнулся: — Извините. У нас, на Набережной, было так тихо! Как у вас тут! В общем, мертвый сезон. И вдруг в мой кабинет заявляется этот болтун, садится и разом навешивает на меня ответственность...

— Вы не несете ответственность...

— Официально — нет. Но если завтра или на следующей неделе произойдет одно из двух: умрет он или его жена, я буду уверен, что это произошло по моей вине...

— Сожалею, что не сумел вам помочь, Мегрэ. Хотите, я попытаюсь связаться со Стейнером и спрошу его мнение?

Мегрэ без особой уверенности кивнул. Пардон позвонил на площадь Данфер-Рошро, потом в клинику, где в данный момент находился Стейнер. Сколько бы Пардон ни изображал маленького и почтительного районного врача, обращающегося к знаменитому специалисту, Мегрэ по его лицу и по резкому голосу, доносившемуся из трубки, понял, что этот демарш имел не больший успех, чем его собственный.

— Он поставил меня на место.

— Извините меня.

— Да нет! Надо было попытаться. Не терзайтесь. Если бы все те, кто ведет себя странно, непременно становились убийцами или жертвами, в стране наблюдался бы большой излишек жилья.

Мегрэ дошел до площади Республики и сел в автобус.

На набережной Орфевр Жанвье, находившийся в кабинете инспекторов, сразу пошел докладывать. Вид у него был пристыженный.

— Он ведь не мог видеть меня здесь, правда? — спросил он. — И моя фотография практически не появляется в газетах. Неужели я так похож на полицейского?

Из всей бригады Жанвье как раз меньше всех был похож на полицейского.

— Я зашел в отдел игрушек и сразу узнал его по вашему описанию. Он был в длинном сером халате с вышитым красным названием магазина. Железная дорога как раз работала. Я поглазел на нее, потом подозвал вашего человека и стал задавать ему невинные вопросы, как отец семейства, собирающийся купить эту игрушку сыну. Я знаю, как это делается, потому что подарил такую же сынишке в позапрошлом Рождество. Так вот, он едва дал мне произнести три или четыре фразы и шепотом сказал: «Передайте комиссару Мегрэ, что с его стороны не очень хорошо было прислать вас сюда. Я могу потерять из-за него свое место». Он говорил, почти не шевеля губами, с тревогой косясь на контролера универсама, посматривавшего на нас издали.

На столе комиссара лежала карточка из лаборатории, на которой красным было написано: фосфат цинка.

Еще немного, и Мегрэ бросил бы это дело. Как он говорил Пардону или Пардон ему, он уже точно не помнил, с профессиональной точки зрения это напрямую его не касалось, а если он будет досаждать Ксавье Мартону, тот запросто может начать писать жалобы и устроить ему неприятности.

— Мне хочется отправить тебя на авеню Шатийон, чтобы расспросить консьержку и соседей. Вот только не надо, чтобы в квартале заподозрили, будто этим человеком интересуется полиция. Ты можешь походить из квартиры в квартиру, например предлагая электрический пылесос...

Жанвье не сдержал гримасу при мысли, что придется таскаться от дома к дому с пылесосом в руке.

— Если тебе больше нравится, представляйся страховым агентом... — смилостивился комиссар.

Жанвье такой вариант явно нравился больше.

— Постарайся выяснить, как живет семья, что собой представляет жена, что о них думают в квартале. Если жена дома, можешь позвонить в квартиру и предложить ей застраховать жизнь...

— Буду стараться, патрон.

Погода была такой же пасмурной и холодной, и кабинет, где комиссар забыл включить отопление, основательно выстудило. Он повернул рычажок и на секунду заколебался, не стоит ли сходить к шефу за советом. Не сделал он этого из опасения показаться смешным. Рассказывая историю Пардону, он понял, как мало у него данных.

Медленно набивая трубку, комиссар вновь погрузился в работу с делом, которое оставил утром и интересоваться которым никак не мог себя заставить. Прошел час. Воздух стал непрозрачным из-за табачного дыма и сгущающихся сумерек. Он включил настольную лампу с зеленым абажуром, встал, чтобы вновь уменьшить мощность работы батареи. И тут в дверь постучали. Старый Жозеф прошептал, кладя на угол стола карточку:

— Дама.

Должно быть, она произвела на старого секретаря сильное впечатление, раз уж он употребил такое слово.

— Думаю, — добавил Жозеф, — она жена того типа, что приходил утром.

Написанная на карточке фамилия ему что-то напоминала: мадам Мартон. А ниже, в графе «Цель визита», значилось: «Личная».

— Где она/

— В приемной. Пригласить ее?

Мегрэ уже хотел ответить «да», но спохватился:

— Нет, я займусь этим сам.

Он не спеша прошел через кабинет инспекторов, потом еще через две комнаты, прежде чем выйти в широкий коридор позади застекленной приемной. Поскольку еще не совсем стемнело, лампы, казалось, светили не так ярко, как обычно, и атмосфера была желтоватой и унылой, точно на маленьком провинциальном вокзале.

От двери он наблюдал за своего рода аквариумом, в котором сидели всего три человека, из которых двое явно пришли в бригаду нравов, поскольку один был маленьким сутенером, от которого за

километр воняло площадью Пигаль^[1], а вторая — пышнотелая девица, державшаяся в здании полиции с непринужденностью завсегда.

Оба бросали взгляды на вторую женщину, тоже ожидавшую приема, отличавшуюся безукоризненной элегантностью.

Мегрэ неторопливо подошел к стеклянной двери и открыл ее:

— Мадам Мартон?

Он обратил внимание на сумочку из крокодиловой кожи, подобранную в тон туфлям, и строгий костюм, видневшийся из-под бобрового манто.

Она поднялась с легким смущением, которого можно ожидать от человека, никогда не имевшего дела с полицией и вдруг столкнувшегося с одним из старших офицеров.

— Комиссар Мегрэ, не так ли?

Остальные двое фамильярно перемигнулись. Мегрэ проводил гостью в свой кабинет и усадил в то самое кресло, в котором утром сидел ее муж.

Простите за беспокойство... — Она сняла с правой руки замшевую перчатку и закинула ногу на ногу. — Полагаю, вы догадываетесь, почему я здесь?

Мегрэ совсем не понравилось, что она пошла в наступление, поэтому он воздержался от ответа.

— Очевидно, вы тоже будете укрываться за словами о соблюдении профессиональной тайны...

Он обратил внимание на ее «вы тоже». Означало ли это, что она ходила к доктору Стейнеру?

Но его удивляло не только поведение мадам Мартон.

Муж, конечно, был не урод и, должно быть, очень неплохо зарабатывал. Но мадам Мартон принадлежала совсем к другому классу. В ее элегантности не было никакой вульгарности, никакой чрезмерности. В непринужденности тоже.

Еще в приемной он заметил безупречный пошив ее туфель и шик сумочки. Перчатки по качеству не уступали им, как, впрочем, и все остальное, что на ней было надето. Никакой агрессивности, ни малейшей нарочитости. Никакого расчета на дешевый внешний эффект. Вся ее одежда была изготовлена в лучших ателье.

Она выглядела на сорок лет, но так, как умеют выглядеть лишь сорокалетние парижанки, тщательно ухаживающие за собой, а по

интонациям, как и по всему поведению, чувствовалось, что она свободно держится в любом месте и при любых обстоятельствах.

Действительно ли в ней был некий недостаток? Мегрэ показалось, что он нашел один, но не мог точно указать, какой именно. Скорее это было смутное ощущение, нежели действительно замеченное явление.

— Думаю, господин комиссар, мы только выиграем время, если я расскажу вам все откровенно. К тому же хитрить с таким человеком, как вы, было бы чересчур самонадеянно.

Он остался невозмутимым, но эта его невозмутимость посетительницу не смутила или же она великолепно собой владела.

— Я знаю, что сегодня утром мой муж приходил к вам.

— Это он вам сказал? — спросил Мегрэ, надеясь сбить ее с толку.

— Нет. Я видела, как он входил в это здание, и поняла, что он пошел к вам. Он с увлечением следит за всеми вашими расследованиями и уже много лет при каждом подходящем случае говорит о вас в восторженных тонах.

— Вы хотите сказать, что следили за мужем?

— Да, — просто ответила она. Наступила короткая, немного неловкая пауза. А потом прозвучал вопрос: — Вас это удивляет после того, что вы слышали?

— А вы знаете, что он мне говорил?

— Это нетрудно угадать. Мы женаты уже двенадцать лет, и я отлично знаю Ксавье. Это честнейший, храбрейший и обаятельнейший человек на свете. Возможно, вы знаете, что он рос без родителей и воспитывался в приюте?

Комиссар рассеянно кивнул.

— Он вырос на ферме в Солони, где у него отбирали книги, которые он доставал, и сжигали их. Тем не менее он достиг того, чего достиг, а на мой взгляд, заслуживает еще большего. Даже я постоянно поражаюсь широте его знаний. Он все читал. Обо всем знает. И разумеется, на нем все ездят. Он убивает себя работой. За полгода до Рождества он уже начинает готовиться к нему, а Рождество его просто выматывает.

Она открыла сумочку и заколебалась, не решаясь вынуть серебряный портсигар.

— Можете курить, — разрешил Мегрэ.

— Спасибо. У меня есть эта отвратительная привычка — я много курю. Надеюсь, мое присутствие не помешает вам курить трубку?

Он видел мелкие морщинки в углах ее глаз, но вместо того, чтобы старить ее, они лишь придавали ей особый шарм. Серо-голубые глаза женщины искрились добротой близорукого человека.

— Должно быть, мы оба кажемся вам нелепыми и смешными, по очереди приходя сюда и исповедуясь.

Впрочем, отчасти так и есть. Вот уже несколько месяцев меня беспокоит состояние мужа. Он измотан, встревожен, бывают периоды полной апатии, когда он совсем не разговаривает со мной.

Мегрэ хотелось бы, чтобы при разговоре присутствовал Пардон: возможно, врач сумел бы из него что-нибудь вытянуть?

— Уже в октябре... да, в начале октября... я сказала ему, что у него неврастения и что ему следовало бы сходить к врачу...

— Это вы заговорили с ним о неврастении?

— Да. А что, не следовало?

— Продолжайте.

— Я много за ним наблюдаю. Он начал жаловаться на одного из своих начальников, которого никогда не любил, однако теперь повел речь о заговоре, организованном тем против него. Потом он ополчился на одного молодого продавца...

— По какому поводу?

— Это покажется странным, но я отчасти понимаю реакции Ксавье. Я не преувеличиваю, когда говорю, что он лучший во Франции специалист по игрушечным железным дорогам. Надеюсь, это не вызовет у вас улыбки? Ведь не смеются же над людьми, всю жизнь придумывающими новые модели бюстгальтеров или корсетов.

Почему-то он спросил:

— А вы связаны с бюстгальтерами и корсетами?

Она засмеялась:

— Я их продаю. Но речь не обо мне. Так вот, молодой продавец стал наблюдать за моим мужем, вынюхивать его маленькие секреты, перерисовывать макеты...

Короче, у Ксавье сложилось впечатление, что тот хочет занять его место. Но по-настоящему я встревожилась, когда заметила, что подозрения Ксавье распространяются и на меня...

— В чем же он вас подозревает?

— Полагаю, он вам рассказал. Это началось однажды вечером, когда, внимательно глядя на меня, он прошептал: «Ты будешь красивой вдовой, верно?» Потом это слово часто всплывало в разговоре. Например: «Все женщины созданы, чтобы быть вдовами. Кстати, статистика подтверждает»... Отсюда недалеко до утверждения, что без него моя жизнь была бы более блестящей, что он — единственное препятствие на моем пути наверх...

Она не шевелилась, хотя Мегрэ специально буравил ее тяжелым взглядом.

— Остальное вы знаете. Он убежден, что я решила от него избавиться. За столом часто меняет свой стакан на мой — не скрываясь, напротив, насмешливо глядя на меня. За едой ждет, пока я проглочу первый кусок.

Иногда, когда я возвращаюсь позже его, замечаю, что он рылся по всей кухне. Не знаю, что ему сказал доктор Стейнер...

— Вы ходили к нему вместе?

— Нет. Ксавье мне объявил, что идет на консультацию. Это опять был своего рода вызов с его стороны. Он сказал: «Я знаю: ты стараешься меня убедить, что я схожу с ума. О, ты делаешь это очень ловко, так сказать, по капле. Посмотрим, что решит специалист».

— Он рассказал вам о заключении врача?

— Он мне ничего не сказал, но с тех пор — а это было с месяц назад — смотрит на меня покровительственно-иронично. Не знаю, понимаете ли вы, что я хочу сказать. Как человек, который причастен к тайне и наслаждается этим. Он следит за мной взглядом.

У меня всегда такое ощущение, что он думает: «Давай, девочка! Делай что хочешь. Тебе не добиться успеха, потому что я все знаю...»

Мегрэ затянулся трубкой и спросил:

— И сегодня утром вы следили за ним? Слежка за мужем вошла у вас в привычку?

— Нет, я слежу за ним не каждый день, потому что тоже работаю. Обычно мы выходим из дому — мы живем на авеню Шатийон — одновременно, в половине девятого и едем на одном автобусе до улицы Пирамид.

Я иду в магазин на улице Сент-Оноре, а он идет дальше, до улицы Риволи, в универмаг «Лувр». С некоторых пор, думаю, я вам это уже говорила, ваше имя стало часто мелькать в наших разговорах. Два дня

назад он мне сказал, сардонически и одновременно угрожающе: «Что бы ты ни делала, какой бы хитрой ни была, кое-кто все узнает».

— Я поняла, что он намекает на вас. Вчера я проследила за ним до «Лувра» и некоторое время стояла перед служебным входом, чтобы убедиться, не выйдет ли он.

Сегодня я поступила так же...

— И проследили за ним до входа в это здание?

Она откровенно ответила «да» и нагнулась погасить сигарету в хрустальной пепельнице.

— Я попыталась дать вам представление о ситуации, а теперь готова ответить на ваши вопросы.

И только ее сцепленные на крокодиловой сумочке руки выдавали некоторую нервозность.

Глава 3

Младшая сестра из Америки

Если утром, разговаривая с продавцом игрушечных железных дорог, Мегрэ был отяжелевшим и как бы отсутствующим, это было произвольное состояние, скорее близкое к дремотному отупению. В общем, контакт не установился; точнее, установился слишком поздно.

Теперь, с мадам Мартон, он принял профессиональную тяжеловесность, которую взял на вооружение давным-давно, когда был еще робок, взял, чтобы сбивать с толку собеседника, а она стала почти обязательным рефлексом.

На женщину это, похоже, особого впечатления не производило, и она продолжала смотреть на него взглядом ребенка, разглядывающего большого медведя, которого не боится, но за которым все равно следит краем глаза.

Разве не она до сих пор давала направление разговору, завершив его словами, которые Мегрэ редко слышал в этом кабинете: «А теперь я готова ответить на ваши вопросы...»

Комиссар заставил ее подождать некоторое время, намеренно затягивая молчание и куря трубку. Наконец произнес с видом человека, не слишком хорошо осознающего, кто он и где находится:

— Так зачем вы мне все это рассказали?

Этот вопрос явно выбил ее из седла.

— Но...

Она взмахивала ресницами, как делают близорукие люди, не находя ничего лучшего, чем улыбаться, как бы показывая, что ответ очевиден.

А он, как человек, не придающий особого значения данному случаю, как госслужащий, выполняющий свою работу, продолжал:

— Вы просите заключить вашего мужа под стражу?

На этот раз лицо женщины моментально побагровело, глаза сверкнули, нижняя губа задрожала от гнева.

— Полагаю, я не сказала ничего такого, что позволило бы вам...

Удар поразил ее до такой степени, что она даже сделала вид, будто встает, чтобы положить конец разговору.

— Садитесь, прошу вас. Успокойтесь. Не понимаю, почему этот вполне естественный вопрос вас так возмутил.

Так что же вы мне сказали? Не забывайте, мы находимся в уголовной полиции, где занимаются преступлениями и правонарушениями или чтобы арестовать виновных, или — что бывает гораздо реже — предотвратить трагедию.

Во-первых, вы мне поведали, что на протяжении нескольких месяцев ваш муж страдает от неврастении...

— Я сказала...

— Вы сказали: неврастении. И его поведение вас до такой степени встревожило, что вы отправили его к невропатологу...

— Я ему только посоветовала...

— Допустим, вы посоветовали ему проконсультироваться у невропатолога. Ожидали, что врач порекомендует ему лечь в больницу?

Черты лица посетительницы заострились, голос изменился.

— Я ожидала, — парировала она, — что врач назначит ему лечение.

— Отлично. Полагаю, он это сделал?

— Понятия не имею.

— Вы звонили доктору Стейнеру или лично приходили к нему, а он укрылся за врачебной тайной.

Она с напряженным вниманием смотрела на комиссара, словно пытаясь угадать, куда будет направлена его следующая атака. Ее нервы были натянуты.

— После визита к врачу ваш муж стал принимать какие-либо лекарства?

— Нет, насколько мне известно.

— Его поведение изменилось?

— Он кажется мне таким же подавленным.

— Подавленным, а не возбужденным?

— Не знаю. Не понимаю, к чему вы клоните.

— Чего вы боитесь?

На сей раз она замешкалась с ответом, обдумывая, что означает этот вопрос.

— Вы спрашиваете, боюсь ли я своего мужа?

— Да.

— Я боюсь не его, а за него.

— Почему?

— Потому что я способна за себя постоять, что бы ни случилось.

— Тогда я возвращаюсь к тому, с чего начал. Зачем вы ко мне пришли?

— Потому что утром к вам приходил он.

У них была разная логика. Или же она просто не хотела принять логику комиссара?

— Вы знали, что он мне скажет?

— Если бы я знала, то я...

Она прикусила губу. Не хотела ли она сказать: «...мне бы не было нужды приходить».

Мегрэ не успел это обдумать, потому что на столе зазвонил телефон. Он снял трубку.

— Алло, патрон... Это Жанвье... Я в соседнем кабинете...

Мне сказали, кто у вас, и я решил, что мне будет лучше не показываться... Я бы хотел с вами коротко переговорить.

— Сейчас приду...

Мегрэ встал и извинился:

— Вы позволите? Меня вызывают по другому делу.

Я ненадолго.

В кабинете инспекторов он велел Люка:

— Выйди в коридор и, если эта дама попытается уйти, как ее муж, задержи.

Он закрыл дверь, ведущую из этого кабинета в его.

Торранс заказал стакан пива, и Мегрэ машинально с удовольствием его выпил.

— Есть новости?

— Я там побывал. Вы знаете авеню Шатийон. Можно подумать, что попал в провинцию, хотя совсем рядом авеню д'Орлеан. Семнадцатый, в котором они живут, — новый семиэтажный дом из желтого кирпича, жильцы по большей части служащие и коммивояжеры.

Стенки, похоже, такие, что в каждой квартире слышно все, что происходит у соседей. На всех этажах есть маленькие дети.

Мартоны живут не в самом доме. На его месте раньше стоял частный особняк, который потом снесли. Но двор остался: в центре

дерево, а в глубине — двухэтажный коттедж.

Внутренняя лестница ведет на второй этаж, где находятся две спальни и кабинет.

Восемнадцать лет назад, когда Ксавье Мартон, тогда еще холостяк, снял эту квартиру, весь фасад первого этажа был застекленным, там находилась столярная мастерская.

Позже столяр куда-то съехал. Мартон снял и первый этаж, из которого сделал милую комнатку — полумастерскую, полугостиную.

В целом выглядит все неожиданно изящно и занято.

Неординарное жилье. Сначала я предложил страхование жизни консьержке, которая выслушала мой треп, не перебивая, потом заявила, что не нуждается в этом, поскольку в один прекрасный день получит страховку по старости. Тогда я спросил о жильцах, которые могли бы стать моими клиентами. Она назвала несколько фамилий.

— У всех социальная страховка, — добавила она. — У вас мало шансов...

— А не проживает ли здесь у вас некий месье Мартон?

— Да, в глубине двора. Может, они?.. Они очень хорошо зарабатывают. В прошлом году купили машину.

Погодите...

— У них кто-нибудь дома?

— Думаю, да.

Как видите, патрон, все было не очень сложно. Я позвонил в дверь мастерской, мне открыла довольно молодая женщина.

— Мадам Мартон? — спросил я.

— Нет. Моя сестра вернется часам к семи.

Мегрэ нахмурил брови:

— Что собой представляет сестра?

— Женщина, на которую на улице оборачиваются мужчины.

Лично я...

— Она произвела на тебя сильное впечатление?

— Ее трудно описать. Я бы дал ей максимум тридцать пять лет. Не то чтобы она была очень красивой или эффектной. Элегантностью она меня тоже не поразила, потому что была в простом черном платье и непричесанная — как женщина, занимающаяся уборкой.

Вот только...

— Что «только»?

— Вот что: в ней есть что-то удивительно женственное, трогательное. Чувствуется, что она очень добрая, немного напугана жизнью. Относится к тому типу женщин, которых мужчине хочется защитить. Вы понимаете, о чем я хочу сказать? Ее фигура очень, очень женственная.

Он покраснел, увидев веселую улыбку Мегрэ.

— Ты долго с ней общался?

— Минут десять. Сначала я заговорил о страховке.

Она мне ответила, что ее зять и сестра, каждый, застраховались на крупную сумму на год...

— Точную сумму она не назвала?

— Нет. Знаю только, что застраховались они в «Мютюэль». Еще она добавила, что сама не нуждается в страховке, потому что получает пенсию. Возле одной стены стояли рядом стол и верстак, на столе — сложный макет железной дороги. Я рассказал, что недавно купил железную дорогу сынишке. Это позволило мне задержаться в доме. Она меня спросила, где я покупал игрушку, не в универмаге ли «Лувр», и я ответил «да».

— Значит, продавал вам ее мой зять...

— И все? — спросил Мегрэ.

— Почти. Я обошел пару-тройку торговцев, но не решился задавать конкретные вопросы. Похоже, к Мартонам в округе относятся хорошо, платят они регулярно.

Только теперь Мегрэ заметил, что осушил стакан Торранса.

Прости, старина. Закажи себе другой, за мой счет... — И добавил: — И мне тоже. Я приду выпить, когда закончу разговор с посетительницей.

За время его отсутствия та не сдвинулась с места, лишь закурила новую сигарету.

Мегрэ сел на свое место и положил ладони на стол.

— Простите, на чем мы остановились? Ах да! Вы предложили мне задавать вам вопросы. А я не очень хорошо себе представляю, о чем вас спрашивать. У вас есть прислуга, мадам Мартон? Если я правильно понял, вы целыми днями работаете.

— Да, я работаю целыми днями.

— У вас свое дело?

— Не совсем. Однако мой патрон, месье Харрис, открывший магазин белья на улице Сент-Оноре, выплачивает мне довольно высокий процент с прибыли, потому что его бизнес держится в основном на мне.

— То есть вы довольно обеспечены.

— Да, обеспечена.

— Кажется, я уже слышал о фирме Харриса.

— Это один из трех лучших магазинов изящного нижнего белья в Париже. У нас избранная клиентура, в том числе и коронованные особы.

Теперь он лучше понимал некоторые детали, поразившие его в самом начале: скромную и в то же время какую-то особую элегантность посетительницы. Как бывает в мире высокой моды и некоторых других видах торговли, она постепенно усвоила вкусы и манеры клиентов, сохранив при этом необходимую скромность.

— Ваши родители тоже занимались торговлей бельем?

Теперь, когда они перешли на более банальную тему и вопросы казались невинными, она расслабилась.

— Они были далеки от этого. Мой отец работал учителем истории в лицее, в Руане, а мать никогда ничего не делала, разве что была дочерью генерала.

— У вас есть братья или сестры?

— Сестра. Она некоторое время жила в США, в Грин-Виллидж, в штате Нью-Джерси, недалеко от Нью-Йорка, с мужем; он был инженером в нефтеперерабатывающей компании.

— Вы сказали «был»?

— Два года назад он погиб при взрыве в лаборатории.

Сестра вернулась во Францию такой потрясенной, в таком отчаянии, что мы пригласили ее пожить у нас.

— Я вас только что спрашивал, есть ли у вас прислуга.

— Нет. Моя сестра не работает. Она моложе меня и вышла замуж в двадцать лет, когда еще жила с родителями. Она всегда была балованным ребенком.

— Это она ведет ваше хозяйство?

— Если хотите, это ее взнос в общий бюджет. Мы ее не просили, она сама на этом настояла.

— Вы тоже жили с родителями, когда встретили будущего мужа?

— Нет. В отличие от Дженни — это моя сестра — я чувствовала, что не создана для жизни в Руане, да и с матерью не очень ладила. В общем, я уехала в Париж, как только окончила среднюю школу.

— Одна?

— Что вы хотите сказать?

— У вас не было друга?

— Понимаю, к чему вы клоните. Поскольку я сама предложила вам задавать вопросы, то не могу отказаться отвечать. Я действительно приехала сюда к знакомому, молодому адвокату, с которым мы прожили несколько месяцев. У нас ничего не получилось. Я стала искать работу и обнаружила, что аттестат о среднем образовании, ради получения которого отец мучил меня несколько лет, ничего не дает. Единственное, что я нашла после недели беготни по Парижу, было место продавщицы в универмаге «Лувр».

— И там вы встретили Мартона.

— Не сразу — мы работали на разных этажах. А познакомились в метро.

— Он уже был старшим продавцом?

— Конечно нет.

— Вы поженились?

— На этом настоял он. Мне было бы достаточно просто жить с ним...

— Вы его любите?

— А разве иначе я была бы здесь?

— Когда вы уволились из универмага?

— Подождите... В следующем месяце будет пять лет.

— То есть через семь лет после заключения брака.

— Примерно.

— К тому времени ваш муж уже занял должность старшего продавца?

— Да.

— А вы оставались простой продавщицей?

— Не понимаю, к чему вы клоните.

— Я тоже, — задумчиво проронил комиссар. — Итак, вы поступили на работу к месье Харрису.

— Все было не совсем так. Во-первых, Харрис — название фирмы. Настоящее имя моего патрона — Морис Швоб. Он работал в

универмаге «Лувр» в отделе белья.

— Возраст?

— Теперь?

— Да.

— Сорок девять лет. Но это не то, о чем вы подумали. У нас с ним чисто деловые отношения. Он всегда мечтал открыть собственный бизнес. Для работы в магазине ему была нужна молодая женщина, знающая свое дело. Когда речь заходит о белье и корсетах, женщины не любят, чтобы их обслуживали мужчины. Он это заметил еще в «Лувре». Вот и все.

— Вы практически его компаньон?

— В каком-то смысле, хотя мои проценты намного ниже, чем его, что естественно, поскольку он внес капитал и создает модели.

— В общем, еще пять лет назад положение вашего мужа было выше вашего. Зарплата тоже. Но потом все изменилось.

— Совершенно верно, но, поверьте, я об этом даже не думаю.

— Ваш муж тоже?

Она заколебалась.

— Поначалу это не доставляет удовольствия ни одному мужчине. Потом он привык. Мы по-прежнему живем скромно.

— У вас есть машина?

— Верно, есть, но мы пользуемся ею, только когда ездим за город на уикенд и в отпуск.

— Вы ездите в отпуск вместе с сестрой?

— А почему бы нам не ездить вместе?

— И правда, почему нет?

Повисло довольно долгое молчание. Мегрэ выглядел смущенным.

— Теперь, когда я больше не представляю себе, какие еще вопросы можно вам задать, скажите мне, мадам Мартон, каких действий вы от меня ждете?

Этой фразы оказалось достаточно, чтобы она вновь заняла оборону.

— Я вас не понимаю, — прошептала она.

— Вы не хотите, чтобы мы установили за вашим мужем наружное наблюдение?

— Зачем за ним следить?

— Вы готовы подписать официальное заявление, которое позволило бы нам подвергнуть вашего мужа психиатрической экспертизе по всем правилам?

— Конечно нет.

— Значит, это все?

— Все... Полагаю...

— В таком случае и я не вижу причины вас задерживать дольше...

Он поднялся. Она последовала его примеру, но сделала это как-то напряженно. Вместо того чтобы проводить посетительницу до двери, комиссар как будто спохватился:

— Вы пользуетесь фосфатом цинка?

Она не вздрогнула. Должно быть, ждала этого вопроса все время, что длился разговор, и — кто знает? — может быть даже, пришла сюда именно ради того, чтобы ответить на него.

— Да, пользуюсь.

— Для каких целей?

— Улица Сент-Оноре — одна из старейших парижских улиц, позади роскошных магазинов стоят дома, по большей части находящиеся в очень плохом состоянии; этот район — настоящий лабиринт двориков, улочек и переулков, о существовании которых многие даже не подозревают. Все это плюс близость рынка привлекают неисчислимое полчище крыс, которые наносят большой урон товарам. Мы перепробовали множество отрав, но все безуспешно. Кто-то посоветовал месье Швобу фосфат цинка, который дал отличный результат. На авеню Шатийон нас тоже замучили крысы, муж на них постоянно жаловался. Я взяла в магазине немного фосфата...

— Не сказав об этом мужу?

— Я уже не помню, говорила ему об этом или нет.

Глаза у нее округлились, как будто ее поразила какая-то мысль.

— Надеюсь, он не вообразил?.. — Она не закончила фразу. — Если он говорил об этом вам, то... Господи!

А я-то мучилась, гадая, что его так терзает... Я объяснюсь с ним сегодня же вечером... Или... Если я коснусь этой темы, он поймет, что я побывала у вас...

— А вы собирались это от него скрыть?

— Не знаю. Я уже ничего не знаю, месье Мегрэ. Я пришла... как бы это объяснить... пришла по-простому, с наивной мыслью все вам рассказать. Все, что я говорила вам о Ксавье и его страхах, — правда. Вместо того чтобы помочь мне, вы стали задавать вопросы, по которым я поняла, что вы мне не верите, подозреваете меня бог знает в каких замыслах... — Она не плакала, но выглядела печальной. — Что ж!.. А я-то надеялась... Мне остается лишь постараться...

Она открыла дверь рукой, затянутой в перчатку, и, уже выйдя в коридор, произнесла:

— До свидания, господин комиссар... Все равно спасибо за то, что согласились меня принять...

Мегрэ посмотрел ей вслед, пока она удалялась четким шагом, покачиваясь на своих высоченных каблуках, пожал плечами и вернулся к себе в кабинет. Через четверть часа он вновь вышел из него и направился в кабинет своего шефа, спросив по дороге Жозефа:

— Директор у себя?

— Нет. На совещании у префекта. Он предупредил, что после обеда может не вернуться.

Все равно Мегрэ вошел в кабинет директора уголовной полиции, включил лампу и принялся читать заголовки на корешках книг, выставленных в двух книжных шкафах красного дерева. Там были работы по статистике, которые никто ни разу не открывал, технические книги на разных языках, которые авторы и издатели высылали автоматически. На полках было много книг по криминологии и судебной медицине.

Наконец Мегрэ нашел полку с книгами по психиатрии и пролистал три или четыре из них, прежде чем выбрать ту, которая показалась ему написанной более простым и общедоступным языком.

Вечером он унес книгу к себе и после ужина, сидя в тапочках у огня, под тихо работающее радио, принялся читать, а мадам Мегрэ тем временем чинила манжеты рубашек.

Он искал определенные главы и слова, произнесенные сегодня во время беседы с Пардоном, слова, смысл которых кажется понятным всем, но у профессионалов имеющих совершенно иное значение.

Неврозы... По мнению Адлера, отправной точкой неврозов является постоянное ощущение собственной неполноценности или опасности... Защитная реакция против таких ощущений побуждает

больного самоидентифицироваться с вымышленной идеальной структурой...

Он повторял вполголоса, отчего жена подняла голову:

— ...вымышленной идеальной структурой...

Психический синдром... Неврастении хорошо известны специалистам всех уровней... Не испытывая серьезных проблем со здоровьем, больные страдают и, главное, беспокоятся возможных осложнений; они многократно учащают визиты к врачам, осмотры и консультации...

Ментальный синдром... Доминирует ощущение собственной неспособности... Физически больной чувствует себя отяжелевшим, ощущает недомогание, устает при малейшем усилии...

Прямо как Мегрэ сегодня утром. Он и сейчас чувствовал себя отяжелевшим, даже испытывал недомогание, но... Он хмуро листал страницы. Параноидальное состояние... Гипертрофированное Я...

В отличие от лиц с повышенной возбудимостью эти больные проецируют на свою семейную и, главное, социальную жизнь собственное всеобъемлющее и доминирующее Я.

Они никогда не считают себя виновными и ответственными. Для них характерно тщеславие. Даже не слишком умные, они часто доминируют в семье своим авторитаризмом и неколебимой уверенностью в собственной правоте...

Интересно, к кому это больше подходит, к Ксавье Мартону или к его жене? И нельзя ли было охарактеризовать так добрую четверть парижан?

Синдром мстительности... Преследуемые — преследователи...

Речь идет о типичном эмоциональном психозе, нозологическое положение которого вызвало бесконечные дискуссии... Вместе с Крепелином и Капграсом я полагаю, что он не входит в разряд подлинных бредов...

Больной считает себя жертвой несправедливости, которую хочет исправить, и пытается отомстить любой ценой...

Ксавье Мартон? Мадам Мартон?

Он переходил от неврозов к психозам, от психозов к психоневрозам, от истерии к паранойе и, как все люди, которые, заглянув в медицинский словарь, обнаруживают у себя все болезни, в

каждой статье находил симптомы, которые были применимы как к тому персонажу, так и к другому.

Время от времени он ворчал, повторяя то или иное слово либо фразу, а мадам Мегрэ бросала на него встревоженные взгляды.

Наконец он поднялся как человек, которому все надоело, бросил книгу на стол и, открыв буфет в столовой, вынул из него графин со сливовкой и наполнил две рюмки с золотой каймой.

Это было протестом здравого смысла против всей этой ученой белиберды, способом снова встать на землю обеими ногами.

Пардон был прав: выискивая аномалии в человеческом поведении и классифицируя их, ученые дошли до того, что уже не знали, что же такое психически здоровый человек.

А сам-то он здоров? После всего прочитанного Мегрэ уже не был в этом полностью уверен.

— Тебе попалось сложное дело? — робко спросила мадам Мегрэ, редко интересовавшаяся работой мужа.

Он только пожал плечами и буркнул:

— История с сумасшедшими! — И, осушив рюмку, добавил: — Пошли спать.

Однако утром следующего дня он зашел к директору за несколько минут до общего доклада, и шеф сразу заметил, что комиссар озабочен.

— Что-то не так, Мегрэ? — спросил он.

Тот попытался рассказать историю двух вчерашних визитов так сжато, как только можно. Первой реакцией большого патрона был удивленный взгляд.

— Не вижу причин для беспокойства. На данный момент у нас нет никаких официальных заявлений...

— Вот именно. Оба рассказали мне свою историю.

Каждая история не очень тревожна. Но, если попытаться их сложить, замечаешь, что они не стыкуются... Кстати, возвращаю вашу книгу...

Он положил том на стол, директор взглянул на название, потом перевел взгляд на комиссара, и удивления в его глазах прибавилось.

— Поймите меня правильно, патрон. И не думайте, что я выдумываю невесть что, начитавшись этой книги. Я не утверждаю, будто один из них полностью сумасшедший. Однако что-то там не так.

Не просто же так, без всякой причины, два человека, муж и жена, пришли исповедоваться ко мне, да еще в один день.

Если завтра, через неделю или через месяц мы узнаем, что один из этих двоих мертв, моя совесть будет нечиста...

— Вы верите, что в этой истории возможны трупы?

— Не знаю. Верю и не верю одновременно. Это как бы расследование, поставленное с ног на голову. Обычно сначала мы сталкиваемся с убийством и лишь после его совершения начинаем искать мотивы. На сей раз мы имеем мотивы, но убийство пока не произошло.

— А вам не кажется, что существуют тысячи случаев, когда мотивы не выливаются в убийство?

— Я в этом уверен. Вот только в таких случаях мне эти мотивы не излагают заранее.

Его шеф ненадолго задумался.

— Я начинаю понимать...

— На данном этапе я ничего не могу сделать. Тем более после недавней кампании в прессе о нарушении полицией гражданских прав подозреваемых.

— И что?

— Я пришел к вам с просьбой дать мне разрешение на всякий случай переговорить с прокурором.

— Чтобы он возбудил дело?

— Примерно так. Во всяком случае, чтобы успокоить мою совесть.

— Сомневаюсь в успехе такого демарша.

— Я тоже.

— Ну, раз это вас успокоит, сходите.

— Благодарю вас, шеф.

Мегрэ сказал не совсем то, что собирался сказать. Очевидно, произошло это потому, что ощущения его были слишком сложными и еще неясными. Вчера, в этот самый час, он ничего не слышал о чете Мартонов, а сейчас все его мысли занимали специалист по игрушечным железным дорогам и его элегантная жена, которая, в чем он себе честно признавался, держалась стойко и твердо, когда он пытался сбить ее с толку или смутить.

Из этой семьи он не видел только свояченицу Мартона, трогательную, если верить Жанвье, вдову, но и та занимала его мысли, словно он знал ее всю жизнь.

— Алло! Говорит Мегрэ. Свяжитесь с господином прокурором и спросите его, может ли он уделить мне несколько минут?.. Да, если можно, сегодня утром...

Алло! Да, я подожду...

Прокуратура находилась в том же Дворце правосудия, в тех же зданиях, но совсем в другом мире, где стены украшены лепниной, где говорят приглушенным голосом.

— Немедленно?.. Да... Иду...

Он прошел в стеклянную дверь, разделяющую два мира, встретил по дороге нескольких адвокатов в черных мантиях, заметил перед дверьми без табличек сидящих между конвоирами людей, которых арестовывал несколько недель или месяцев назад. Некоторые радовались тому, что видели его, и здоровались почти фамильярно.

— Прошу секунду подождать. Господин прокурор вас сейчас примет.

Он чувствовал примерно то же, что школьник перед дверью кабинета директора.

— Входите, Мегрэ. Вы хотели меня видеть? Но ведь не произошло ничего нового?..

— Я хотел рассказать вам один случай. Это почти вопрос нравственного выбора...

Он изложил дело очень плохо, еще хуже, чем директору уголовной полиции.

— Если я правильно понимаю, у вас сложилось впечатление, что в ближайшее время произойдет несчастный случай или даже убийство?

— Примерно так.

— Но это впечатление не основывается ни на чем конкретном, если не считать путаных откровений мужчины и объяснений, данных вам чуть позже его женой? Скажите, Мегрэ, сколько психов, полупсихов, маньяков или просто чудиков вы видите каждый год в вашем кабинете?

— Несколько сотен...

— А я здесь получаю тысячи писем от этих людей.

Прокурор молча смотрел на него, как будто сказал все, что хотел.

— Но мне хотелось бы провести расследование, — робко пробормотал комиссар.

— Какое расследование? Будем точны. Опрашивать соседей, сослуживцев, свояченицу, продавцов и кого там еще? Во-первых, я не представляю себе, куда это приведет. Во-вторых, если эти Мартоны люди скандальные, у них полное право строчить жалобы...

— Знаю...

— Что же касается принудительного привода обоих на стационарную психиатрическую экспертизу, мы не имеем на это юридического права, пока не получим официального заявления от одного из них. Да и то!..

— А если будет совершено преступление?

Короткое молчание. Легкое пожимание плечами.

— Конечно, это будет печально, но мы ничего не можем сделать. Если не считать того, что в данном случае не придется далеко искать виновного.

— Но вы все-таки позволите установить за ними наблюдение?

— При условии, что оно, во-первых, будет достаточно незаметным. Во-вторых, вы не выделите для него тех инспекторов, которые ведут другие дела...

— Сейчас период затишья...

— Эти периоды никогда не бывают продолжительными. Если хотите знать мое мнение — у вас чересчур щепетильная совесть. На вашем месте, Мегрэ, я бросил бы эту историю. Еще раз повторю: на данном этапе у нас нет ни права, ни возможностей вмешиваться.

Уверен, таких семейных историй о подозревающих друг друга муже и жене вокруг тысячи...

— Да, но ни те мужья, ни те жены не обращаются ко мне.

— А они действительно обратились к вам?

Ему пришлось признать, что нет. Мартон его ни о чем не просил, да и мадам Мартон в конечном счете тоже. Сестра Дженни тем более.

— Простите, что не задерживаю вас. Меня ждут шесть человек, а в одиннадцать часов встреча в министерстве.

— Извините за беспокойство.

Мегрэ был недоволен собой. Ему казалось, что он плохо защищал свое дело. Может быть, не надо было ему вчера читать тот труд по психиатрии?

Когда комиссар был уже у порога, прокурор его окликнул, и тон его голоса был не таким, как минуту назад, он стал холоднее, как при произнесении одной из его знаменитых обвинительных речей в суде:

— Само собой разумеется, я не стану вас прикрывать, ибо запретил вам заниматься этим делом до появления в нем новых обстоятельств.

— Конечно, господин прокурор.

В коридоре Мегрэ, понутив голову, пробормотал:

— Новых обстоятельств... новых обстоятельств...

Кто же станет новым обстоятельством, то есть жертвой? Он или она?

Комиссар так резко хлопнул стеклянной дверью, что чуть не расколотил ее.

Глава 4

Ресторан на улице Кокийер

Это был не первый и наверняка не последний раз, когда Мегрэ в ярости уходил из прокуратуры, его ссоры с некоторыми следователями, в частности с Комельо, который уже более двадцати лет был почти что его личным врагом, стали на набережной Орфевр почти легендарными.

Будучи спокоен, Мегрэ воспринимал трагически антагонизм, противопоставляющий друг другу две структуры: прокуратуру и полицию. И по ту, и по эту сторону стеклянной двери каждый — или почти каждый — добросовестно делал свое дело. Из одних рук в другие переходили одни и те же люди: мошенники, убийцы, подозреваемые и свидетели.

Разногласия и конфликты порождались разными точками зрения на один и тот же предмет. И не вытекало ли различие из самих принципов комплектования этих двух структур? Сотрудники прокуратуры: прокуроры, их заместители, следователи — почти без исключений происходили из средних, а то и высших слоев общества, из буржуазии. Они получали чисто теоретическое образование и практически не вступали в контакт — кроме как в своих кабинетах — с теми, кого должны были преследовать именем закона.

Отсюда у них было почти генетическое непонимание некоторых проблем, раздражающее поведение в некоторых случаях, которые оперативники уголовной полиции, жившие в перманентной и почти физической близости к преступному миру, чувствовали инстинктивно.

Также со стороны Дворца правосудия исходило и определенное лицемерие. Несмотря на внешнюю независимость, о которой много говорили, там больше чем где бы то ни было боялись увидеть нахмуренные брови министра, или, если дело вызывало громкий резонанс в обществе, они заседали на полицию, которая никогда не работала достаточно быстро.

Но как только газеты принимались критиковать методы полицейской работы, сотрудники прокуратуры спешили повозмущаться вместе с ними.

Комиссар не без причины отправился на прием к прокурору. Как это периодически случается, пресса опять взялась за полицию. Недавно, к счастью не по вине уголовной полиции, а Сюрте^[2], расположенной на улице Соссе, произошел инцидент, повлекший за собой запрос депутатов нижней палаты.

В ночном кабаре сынок одного депутата сильно ударил инспектора полиции, который утверждал, что несколько дней следил за ним. Последовала всеобщая драка. Дело не смогли замять, и Сюрте была вынуждена признать, что проводила расследование в отношении молодого человека, подозревавшегося не только в употреблении героина, но и в вербовке новых клиентов для наркоторговцев.

Начался отвратительный скандал. По утверждениям депутата, чьего сыночка поколотили, один из наркоторговцев был полицейским осведомителем и якобы молодого человека посадили на иглу по прямому приказу с площади Бово^[3], дабы скомпрометировать его отца.

Будто случайно — такие дела никогда не ходят одни — на следующей неделе приключилась история с избиением подозреваемого в одном районном комиссариате.

Так что в данный момент пресса была настроена против полиции, и Мегрэ в это утро решил подстраховаться.

Вернувшись к себе в кабинет, он тем не менее был полон решимости по-своему истолковать полученные им инструкции, которые никогда не даются для того, чтобы их понимали буквально. Просто прокурор прикрыл себя, и, если завтра на авеню Шатийон найдут труп, он первым начнет упрекать комиссара в бездействии.

Раз уж приходилось мухлевать, он мухлевал, но без энтузиазма. Он уже не мог использовать Жанвье, которого Мартой сразу вычислил при его появлении в «Лувре» и который уже побывал в доме Мартонов.

Из всех остальных Люка был бы наиболее подходящим, поскольку обладал отличным чутьем и был ловким, но у Люка имелся один недостаток: его профессия легко угадывалась по внешнему виду.

Он выбрал молодого Лапуэнта, менее опытного, зато часто сходившего за студента или молодого клерка.

— Слушай, малыш...

Комиссар долго и лениво давал ему инструкции с огромным числом подробностей, поскольку сами эти инструкции по сути своей

были очень расплывчаты. Сначала зайти в «Лувр» купить какую-нибудь игрушку и, не задерживаясь, уйти. Цель: «срисовать» Мартона, чтобы затем безошибочно узнать его.

Потом, во время обеденного перерыва, встать у служебного входа и проследить за специалистом по игрушечным поездкам.

Вечером, при необходимости, повторить маневр. А между делом, во второй половине дня заглянуть в торгующую бельем лавку на улице Сент-Оноре.

— На вас ведь не написано, что у вас нет невесты...

Лапуэнт покраснел, потому что так и было. Вернее, почти так, потому что его помолвка не была пока что заключена официально.

— Можете, например, купить для вашей невесты ночную рубашку. Желательно не очень дорогую.

— Вы думаете, — робко возразил Лапуэнт, — что невестам дарят ночные рубашки? Это не слишком интимный подарок?

Дальше будет видно, как узнать побольше о чете Мартонов и свояченице Ксавье, не раскрываясь перед ними.

Лапуэнт ушел, а Мегрэ взялся за работу, подписывая документы, разбирая почту, выслушивая доклады инспекторов по маловажным делам. Но на заднем фоне его забот тем не менее постоянно присутствовали Мартон и его жена.

У него была слабая надежда, в которую он не очень верил: вот сейчас ему сообщат, что Ксавье Мартон просит принять его.

Почему бы нет? Может быть, вчера он ушел в то время, когда Мегрэ выходил к начальству, потому что ему требовалось к определенному сроку вернуться в магазин?

В таких местах строгая дисциплина, о чем Мегрэ знал лучше многих, ибо в начале своей карьеры два года проработал в отделе полиции, обеспечивающем охрану универмагов. Отсюда его знание их атмосферы, механизма работы, правил и интриг.

В полдень он отправился обедать на бульвар Ришар-Ленуар и наконец-то заметил, что его уже третий день подряд кормят жареным мясом. Он вовремя вспомнил о визите жены к Пардону. Она, должно быть, ожидала, что он удивится новому меню, и, очевидно, заготовила более или менее правдоподобное объяснение.

Он не поставил ее в это положение, вел себя с нею нежно, возможно даже слишком, потому что она посмотрела на него с

некоторой тревогой.

Разумеется, он не все время думал о троице с авеню Шатийон. Память возвращалась к этому делу время от времени, какими-то короткими мазками, словно подсознательно.

Это немного напоминало паззлы — раздражало его, как паззлы, к которым возвращаешься помимо своей воли, чтобы поставить на место очередной кусочек. Разница с паззлом заключалась в том, что в данном случае кусочками головоломки были люди.

Не был ли он слишком суров с Жизель Мартон, у которой, когда она уходила от него, дрожала губа, как будто женщина должна была вот-вот расплакаться?

Возможно. Он сделал это не нарочно. Его профессия — все знать. Скорее она была ему симпатична, как, впрочем, и ее муж.

Он симпатизировал супружеским парам, и его всякий раз расстраивало, когда между мужчиной и женщиной, любившими друг друга прежде, возникали разногласия и ссоры.

А эти двое наверняка любили друг друга, еще когда работали в универмаге «Лувр» и у них была жалкая двухкомнатная квартирка без удобств над мастерской.

Мало-помалу они улучшили жилищные условия. Ремесленник уехал, они заняли первый этаж, который, по словам Жанвье, превратили в элегантную комнату, построили внутреннюю лестницу, чтобы не надо было выходить на улицу, переходя с этажа на этаж.

Теперь у обоих был, что называется, хороший достаток, даже машину купили.

И все-таки что-то у них в семье не так, это очевидно. Но что?

У него в голове мелькнула мысль, которая возвращалась еще несколько раз. Его занимал визит Мартона к доктору Стейнеру, поскольку за все годы работы в полиции он не припомнил ни одного случая, когда человек сам обращался к невропатологу или психиатру, чтобы спросить: «Как вы считаете, я сумасшедший?»

Мысль Мегрэ заключалась в том, что Мартон, случайно или нет, мог прочитать трактат по психиатрии, наподобие того, что накануне вечером читал сам комиссар.

Вспоминая людей с авеню Шатийон, Мегрэ отвечал на телефонные звонки, принял торговку, жаловавшуюся на кражи с

прилавок, которую он отослал в районный комиссариат, и заглянул в кабинет инспекторов, где по-прежнему стоял полный штиль.

Лапуэнт не подавал признаков жизни, и около пяти часов Мегрэ вернулся в свой кабинет и стал выводить на желтой папке буквы, складывавшиеся в слова.

Сначала он написал: фрустрация.

Ниже: комплекс неполноценности.

Эти термины Мегрэ не употреблял в повседневной речи и относился к ним настороженно. Несколько лет назад к нему прислали одного инспектора, окончившего университет. На Набережной тот продержался всего несколько месяцев и сейчас, кажется, работал в адвокатуре. Парень читал Фрейда, Адлера и еще нескольких им подобных авторов, которые произвели на него такое сильное впечатление, что он все дела объяснял с точки зрения психоанализа.

Он ошибался во всех случаях, и коллеги по бригаде прозвали его «инспектор Комплекс».

Случай Ксавье Мартона был не менее любопытным, потому что тот казался сошедшим напрямик со страниц книги, которую Мегрэ читал вчера вечером и в конце концов с раздражением захлопнул.

Целые страницы книги рассказывали о фрустрации и ее влиянии на поведение индивида. Приводились примеры, которые вполне могли быть списаны с Мартона.

Воспитанный в приюте, он провел детство на бедной ферме в Солони, с грубыми, необразованными крестьянами, отнимавшими у него книгу всякий раз, когда заставляли его за чтением.

Тем не менее он буквально глотал любое печатное слово, которое мог достать, от бульварного романа до научного трактата, от инструкции по пользованию каким-нибудь прибором до поэм, глотал без разбору — и хорошее, и плохое.

Свой первый в жизни шаг он сделал, поступив работать в универмаг, где поначалу ему поручали самую тяжелую и непрестижную работу.

Характерный факт: как только у Мартона появились средства, он переселился из более или менее жалкой меблированной комнаты, в которых селятся почти все приезжающие в Париж, в свое собственное жилище. И пусть это была двухкомнатная квартирка в глубине двора;

пускай мебель была скудной, а удобства почти отсутствовали, но здесь он был дома.

Он поднимался. Уже производил впечатление человека, живущего размеренной буржуазной жизнью, и первой его заботой было при скудных средствах улучшить интерьер.

Все это Мегрэ помещал в рубрику: комплекс неполноценности. Точнее, это была реакция Мартона на данный комплекс.

Человек нуждается в самоуспокоении. И еще в том, чтобы показать другим, что он не существо низшего порядка, поэтому упорно работал, чтобы стать бесспорным авторитетом в своей области.

Не называл ли он себя мысленно Король игрушечных железных дорог?

Он старался сделать карьеру. И сделал ее. Женился он на девушке из буржуазной среды, на дочке профессора, получившей среднее образование, на девушке, чьи манеры отличались в лучшую сторону от окружающих его продавщиц.

Мегрэ, поколебавшись, дописал третье слово: унижение.

Жена превзошла его. Теперь она была почти совладелицей собственного торгового дела, где ежедневно встречалась с женщинами, бывающими на виду, с женщинами из высшего общества. И зарабатывала она больше, чем он.

Из вчерашнего чтения в память Мегрэ запали несколько фраз. Буквально он их не помнил, но, помимо своей воли, пытался применить к занимающей его проблеме.

Одна, например, гласила, по сути, что «психопаты замыкаются в собственном мире, в вымышленном мире, который имеет для них большее значение, чем мир реальный». Пожалуй, написано было не совсем так, но он не хотел выставлять себя на посмешище, идя к шефу за книгой, и вновь углубляться в чтение.

К тому же он ей не верил. Все это были пустые рассуждения.

Интересно, а игрушечные поезда, с которыми Мартон возился не только на работе, но и в своей мастерской на авеню Шатийон, подпадают под определение «вымышленного мира», «замкнутого мира»?

Другое место напоминало ему о спокойствии Ксавье Мартона во время их разговора, о внешней логике его рассказа.

Мегрэ уже не помнил, где это вычитал, в разделе неврозов, психозов или паранойи, поскольку грани между этими заболеваниями казались ему не слишком четкими.

«...исходя из ложных посылок...»

Нет. В тексте было по-другому.

«...на ложных или воображаемых послылках больной выстраивает связное рассуждение, порой очень тонкое или даже блистательное...»

Что-то вроде этого было и насчет преследования, но там «преследуемый, основываясь на реальных фактах, делает из них внешне логичные выводы...».

Фосфат цинка был реальным фактом. И не было ли в партнерстве Харрис — Жизель Мартон, точнее Морис Швоб — Жизель Мартон, некоей двусмысленности, способной вызвать подозрения мужа?

Самым смущающим в этом деле было, если присмотреться к нему внимательнее, поведение женщины. Изученное под углом тех же текстов, оно приводило к вынесению почти идентичного диагноза.

Она тоже была умна. Также рассматривала свое дело с внешней логичностью. Она тоже...

Черт!

Мегрэ поискал ластик, чтобы стереть написанные на желтой папке слова, набил трубку и встал у окна, за которым была темнота, прочерченная лишь цепочками огоньков уличных фонарей.

Когда молодой Лапуэнт постучал в дверь полчаса спустя, комиссар спокойно заполнял официальные бланки протоколов допроса.

Лапуэнту везло: он пришел с улицы, из реальной жизни, в складках его пальто еще оставалось немного свежего воздуха, нос покраснел от холода, и он тер руки одну о другую, чтобы отогреть их.

— Я сделал то, что вы велели, патрон...

— Он ничего не почувствовал?

— Думаю, он меня не заметил.

— Рассказывай.

— Сначала я зашел в отдел игрушек и купил самую дешевую из того, что там было: маленькую машинку, даже не заводную...

Он вынул из кармана канареечно-желтую машинку и поставил ее на стол.

— Сто десять франков. Я сразу узнал Мартона по вашему описанию, но меня обслуживала продавщица. Затем, поскольку до полудня оставалось время, заглянул на улицу Сент-Оноре, но в магазин не заходил. Он находится неподалеку от Вандомской площади. Витрина узкая, в ней почти ничего не представлено: халат, черная шелковая комбинация и пара вышитых золотом атласных тапочек. На стекле два слова: «Харрис, белье». Внутри похоже скорее на гостиную, чем на магазин, и чувствуется, что фирма торгует шикарными вещами.

— Ты разглядел?

— Да. Пора была возвращаться в «Лувр». В полдень из двери рванула настоящая толпа, как в школе после окончания уроков. Все несутся в окрестные рестораны.

Мартон вышел еще быстрее, чем остальные, и быстрым шагом пошел по улице Лувр. Он смотрел по сторонам и пару-тройку раз оглядывался, но на меня внимания не обращал. В этот час на улицах много народу...

Он свернул налево, на улицу Кокийер, по ней прошел всего метров сто и вошел в ресторан «Нормандская дыра». Фасад покрашен бурой краской, название написано желтым, отпечатанное на машинке меню висит в рамке слева от двери.

Я несколько секунд не мог решиться, потом все-таки вошел и сразу понял, что туда ходят только завсегдатаи.

Вдоль одной из стен стоит стеллаж, где клиенты ставят свои портфели. Я подошел к стойке бара. Заказал аперитив, спросил:

— У вас можно пообедать?

Хозяин, в синем фартуке, посмотрел в зал, где помещается всего десяток столиков.

— Через несколько минут освободится место. За третьим уже приступили к сыру.

Мартон сидел в глубине зала, возле двери в кухню.

Один за столом, накрытым бумажной скатертью. Перед ним стоял прибор. Рядом — свободное место. Он что-то сказал одной из двух официанток, которые, похоже, хорошо его знали, и ему принесли еще один прибор.

Прошло несколько минут. Мартон, развернув газету, часто поглядывал поверх нее в сторону двери.

Вскоре вошла женщина, сразу заметила, где он сидит, и направилась к его столику, привычно опустилась на свободный стул. Они не поцеловались, даже не обменялись рукопожатиями. Просто улыбнулись друг другу, и мне показалось, что их улыбка была грустной, во всяком случае немного меланхолической.

— Это была не его жена? — перебил Мегрэ.

— Нет. Его жену я мельком видел на улице Сент-Оноре, к ней вернусь позже. Судя по тому, что вы мне говорили, это его свояченица. Возраст и общий вид совпадают. Не знаю, как это выразить...

Ого! Жанвье, говоря об этой женщине, употреблял почти те же самые слова.

— Она производит впечатление настоящей женщины, не знаю, понимаете ли вы, что я хочу сказать. Женщины, созданной, чтобы любить мужчину. Любить не как обычно, а как все мужчины мечтают, чтобы их любили...

Мегрэ не удержался от улыбки, видя, что Лапуэнт покраснел.

— А я думал, ты почти помолвлен...

— Я пытаюсь вам объяснить, какое впечатление она должна производить на большинство людей. Изредка встречаешь такую вот женщину, которая сразу наводит на мысли о... — Он не находил слов.

— О чем же?

— Помимо воли видишь ее заключенной в объятия спутника, почти чувствуешь ее тепло... И в то же время знаешь, что она создана лишь для одного, что это настоящая возлюбленная, истинная любовница... Вскоре я получил место за столиком по соседству с их, и это впечатление сохранилось у меня до самого конца обеда... Они не сделали ни единого двусмысленного жеста. Не думаю, чтобы они даже смотрели друг другу в глаза. И тем не менее...

— Считаешь, они любят друг друга?

— Уверен. Даже официантка, плохо причесанная, длинная такая лошадь в черном платье с белым передником, обслуживала их не так, как остальных, и выглядела их сообщницей...

— Однако в самом начале ты сказал, что они были грустными.

— Скажем так: серьезными. Не знаю, патрон... Я уверен, что они не несчастны, потому что нельзя быть по-настоящему несчастным, когда...

Мегрэ снова улыбнулся, мысленно спрашивая себя, как бы об этой встрече ему докладывал, например.

Люка, который определенно реагировал бы не так, как юный Лапуэнт.

— Значит, выглядели не то чтобы несчастными, но грустными, как влюбленные, которые не могут свободно проявлять свои чувства...

— Если хотите. В какой-то момент он встал помочь ей снять пальто, потому что она бросила взгляд на печку. Пальто шерстяное, с меховым воротником и манжетами. Платье на ней было тоже черное, из джерси, и я удивился, что она почти пухленькая...

Он несколько раз смотрел на часы. Потом попросил официантку принести десерт и кофе, тогда как его соседка только расправлялась с телячьим жарким.

Он встал, когда она еще ела, и в знак прощанья положил руку ей на плечо. Жест был одновременно простым и нежным.

В дверях он обернулся. Она ему улыбнулась, и он моргнул...

Не знаю, правильно ли я сделал, что остался. Я думал, он вернется в магазин. Обед я доел почти одновременно с женщиной. Перед уходом Мартон оплатил счет. Я заплатил по своему. Вышел следом за ней. Она не спеша направилась к остановке автобуса у Порт-д'Орлеан. Я предположил, что она возвращается на авеню Шатийон, и не пошел за ней. Я допустил ошибку?

— Ты правильно поступил. Что дальше?

— Я немного погулял, прежде чем идти на улицу Сент-Оноре, потому что эти шикарные магазины открываются не раньше двух часов, а некоторые и в половине третьего.

Я не хотел приходить раньше времени. Признаюсь, я немножко волновался. Мне хотелось посмотреть на хозяина, и я подумал, что этот человек наверняка обедает в дорогих ресторанах, поэтому не торопится на работу.

Мегрэ смотрел на Лапуэнта с доброжелательностью, в которой было нечто отцовское, потому что он взял молодого человека под свое покровительство еще два года назад, когда тот только пришел на набережную Орфевр, где за это время добился поразительных успехов.

— Хочу вам кое в чем признаться, патрон. Я так робел от перспективы войти в подобную этой лавочку, что для храбрости пошел глотнуть кальвадоса.

— Продолжай.

— Я чуть не открыл стеклянную дверь, но потом заметил двух старых дам в норковых мантиях, сидевших в креслах лицом к продавщице, и не осмелился. Дождался, пока они выйдут. Чуть поодаль их ждал «ролле» с водителем.

Тогда, испугавшись, что заявится новая клиентка, я бросился в магазин. Сначала только смотрел по сторонам, настолько сильное впечатление он на меня произвел.

— Я хотел бы приобрести ночную рубашку для девушки... — выговорил я.

Полагаю, передо мной была именно мадам Мартон.

Кстати, когда чуть позже я присмотрелся к ней повнимательнее, обнаружил некоторые общие черты с молодой женщиной, которую видел в «Нормандской дыре».

Мадам Мартон чуть выше ростом, так же хорошо сложена, но ее тело кажется более упругим, как бы высеченным из мрамора. Вы понимаете, что я хочу сказать?

— Какую именно ночную рубашку? — спросила она. — Присаживайтесь...

В такого рода магазинах не принято, чтобы покупатель стоял. Я вам уже говорил, что торговый зал скорее похож на светскую гостиную. В глубине — шторы, скрывающие своего рода ложи, очевидно служащие примерочными. В одной из них я заметил большое зеркало и плетеный табурет.

— Какого роста ваша девушка?

— Чуть ниже вас, но шире в плечах...

Не думаю, чтобы она что-то заподозрила. Мадам Мартон смотрела на меня покровительственно, и я чувствовал, что она думает, мол, парень зашел не в тот магазин.

— У нас здесь товар исключительно из натурального шелка и с настоящими кружевами ручной работы. Полагаю, это подарок?

Я пробормотал: «Да...»

— Эту модель мы создали для приданого принцессы Елены Греческой.

Я старался задержаться там подольше, поэтому спросил неуверенно:

— Наверное, это очень дорого?

— Сорок пять тысяч... Сороковой размер... Если у девушки другой размер, нам придется ее обмерять, потому что в магазине только этот размер...

— А у вас нет чего-нибудь попроще? Из нейлона, например?..

— Слушай, Лапуэнт, — заметил Мегрэ, — а ты, похоже, отлично разбираешься в этих штучках. Я-то думал, невестам белье не покупают...

— Я же должен был играть роль. При слове «нейлон» она презрительно на меня посмотрела:

— Мы не держим нейлона. Только натуральный шелк и батист...

Дверь открылась. В зеркале я увидел мужчину в пальто из верблюжьей шерсти, которому продавщица тут же подмигнула. Думаю, это хозяин, которому она хотела показать, что ей попался очень странный клиент.

Мужчина снял пальто, шляпу, обошел прилавок и отодвинул шелковую занавеску. За ним остался шлейф запаха дорогого одеколона. Я видел, как он небрежно просматривал какие-то бумаги.

Потом он вышел в зал, поочередно оглядел нас обоих, как человек, который находится на своей территории. Он терпеливо ждал, пока я приму решение.

Я на всякий случай спросил:

— А нет у вас комбинации попроще, без кружев...

Они переглянулись, и женщина нагнулась взять из ящика картонную коробку.

Месье Харрис, или Швоб, — человек того типа, который часто встречается в окрестностях Вандомской площади и Елисейских полей, он вполне мог бы заниматься как кинобизнесом, так и экспортно-импортными операциями или торговлей антиквариатом. Вы меня понимаете, правда? Он, похоже, каждый день ходит к парикмахеру делать массаж лица. Костюм великолепного покроя, без единой складки, да и ботинки не из тех, что покупают в универмагах.

Он брюнет, на висках легкая проседь, кожа матовая, свежесвыбрит, взгляд ироничный.

— Вот наша самая дешевая модель...

Комбинация — внешне ну ничего собой не представляет, только немного вышивки.

— Сколько?

— Восемнадцать тысяч.

Они опять переглянулись.

— Полагаю, это не то, что вы искали? — Она уже открыла коробку, чтобы положить комбинацию на место.

— Мне надо подумать... Я зайду в другой раз...

— Хорошо...

Я чуть не забыл на прилавке свою шляпу, пришлось возвращаться. Выйдя на улицу и закрыв дверь, я обернулся и увидел, что оба они хохочут.

Я прошел метров сто, потом перешел на другую сторону улицы. В магазине никого больше не было. Занавес в маленький кабинет был отодвинут, женщина сидела, а Харрис причесывался перед зеркалом.

Вот и все, патрон. Не могу поклясться, что они любовники. Определенно одно: они не нуждаются в словах, чтобы понимать друг друга. Это сразу чувствуется.

Мадам Мартон не обедает с мужем, хотя работают они в сотне метров друг от друга, а на обед к Ксавье Мартону приходит его свояченица.

Наконец, полагаю, что тем двоим приходится прятаться. Действительно, у Мартона очень мало времени для обеда. Совсем рядом с универмагом, где он работает, находится масса недорогих ресторанчиков, куда, как я сам видел, бегом направились продавцы и продавщицы.

А он доставляет себе неудобства, ходя довольно далеко, в бистро, где особая клиентура, и никому в голову не придет их здесь искать.

Имеет ли мадам Мартон привычку обедать вместе с Харрисом? Не знаю. Тот факт, что он пришел в магазин позже ее, ничего не доказывает...

Мегрэ встал уменьшить мощность батареи, которая, как и вчера, слишком уж разогрелась. Весь день ожидали обещанного синоптиками снега, который уже покрыл север страны и Нормандию.

Не правильно ли поступил комиссар, послав к чертям все труды по психиатрии и все истории о психозах и комплексах?

Ему наконец стало казаться, что он имеет дело с персонажами из плоти и крови, с мужчинами и женщинами с присущими им страстями и интересами.

Вчера речь шла лишь о супружеской паре. Сегодня ему казалось, что пар было две, а это существенная разница.

— Куда вы пошлете меня теперь? — спросил Лапуэнт, тоже заинтересовавшийся делом и боявшийся, что комиссар отстранит его от дальнейшего расследования.

— Теперь, когда обе женщины тебя видели, ты больше не можешь ходить ни на улицу Сент-Оноре, ни на авеню Шатийон...

Впрочем, зачем ему туда идти? Прокурор, похоже, был прав. Ничего не произошло. Возможно, и не произойдет. Если только одна из двух пар, охваченная нетерпением...

В тот момент, когда зазвонил телефон, Мегрэ посмотрел на каминные часы в черном мраморном корпусе, вечно спешившие на десять минут. Они показывали без двадцати шесть.

— Комиссар Мегрэ слушает...

Почему он почувствовал легкий укол, узнав голос? Не потому ли, что со вчерашнего дня его мысли занимал лишь тот, кто сейчас разговаривал с ним с другого конца провода?

На заднем плане слышались шумы и голоса. Мегрэ готов был поклясться, что его собеседник встревоженно прикрывает микрофон трубки сложенной лодочкой ладонью. Говорил он тихо:

— Простите за вчерашнее, но я был вынужден уйти.

Я хочу знать, застану ли вас в кабинете без четверти или без десяти семь. Мы закрываемся в шесть тридцать...

— Сегодня?

— Если вы не возражаете...

— Жду вас.

Мартон, пробормотав «спасибо», сразу повесил трубку, а Мегрэ и Лапуэнт переглянулись так, как смотрели друг на друга мадам Мартон и месье Харрис в магазине нижнего белья.

— Он?

— Да.

— Придет?

— Через четверть часа.

Мегрэ хотелось посмеяться над самим собой, над нелепыми фантазиями насчет этого дела, которое через час с четвертью, очевидно, станет для него совсем простым.

— У нас есть время выпить по стаканчику пива «У дофины», — проворчал он, открывая шкаф, чтобы взять оттуда пальто и шляпу.

Глава 5

Женщина на набережной

В тот момент, когда они с Лапуэнтон спускались по лестнице, Мегрэ осенила идея.

— Я сейчас. Подожди меня.

И, еще не уверенный в собственной правоте, он направился к кабинету инспекторов. Ему пришло в голову послать одного из своих людей сесть Ксавье Мартону на хвост, как только тот выйдет из универмага «Лувр».

Он еще сам не понимал, зачем ему это понадобилось.

Вернее, причин было несколько. Во-первых, Мартон мог в последний момент переменить решение, как было в первый раз, когда он сбежал из кабинета в момент отсутствия Мегрэ. Или же его жена, признаваясь, что следила за ним в предыдущие дни, была вполне способна сделать это и сегодня.

Если она подойдет к нему на улице, не последует ли он за ней на авеню Шатийон? Существовали и другие возможности. Но даже если ничего не произойдет, Мегрэ хотелось узнать, как продавец игрушечных железных дорог поведет себя во время этого важного шага, будет ли колебаться, останавливаться по дороге, например чтобы выпить для храбрости стаканчик или два.

Жанвье тот мог узнать. Еще один свободный инспектор, способный вести наружное наблюдение в одиночку, Люка, никогда не видел Мартона и вряд ли узнал бы Мартона по словесному портрету в толпе выходящих работников магазина.

— Люка и Жанвье! Бегите оба к универмагу «Лувр».

Когда служащие выйдут, пусть Жанвье, не светясь, укажет Мартона, которому Люка сядет на хвост и поведет в одиночку.

Люка, который слабо представлял себе существо дела, спросил:

— Как думаете, это надолго? И далеко он пойдет?

— Вероятно, сюда.

И чуть не добавил: «Только никаких такси, никаких расходов!»

Существуют четкие правила, о существовании которых общественность не знает, но для оперативников уголовной полиции

они порой приобретают огромное значение. Когда совершается преступление или правонарушение и, следовательно, полиции в силу действующего законодательства официально поручается проведение дознания, все расходы комиссаров, инспекторов и технического персонала в принципе возлагаются на виновного. Если арестовать его не удастся либо суд признает его невиновным, счет оплачивает министерство юстиции. Если же речь, напротив, идет о деле, которым уголовная полиция занимается по собственной инициативе, и если в конце концов не будет никакого преступления и преступника, оплачивать счета предстоит префектуре полиции, то есть в конечном счете министерству внутренних дел.

Для полицейских один вариант развития событий разительно отличается от другого. Министерство юстиции, всегда думающее, что преступник заплатит, не слишком прижимисто и не цепляется к каждой поездке на такси.

Префектура же тщательно изучает каждый счетик, требует отчетов чуть не по каждому шагу, если из-за этого придется залезать в кассу.

Разве в данном случае Мегрэ не занимался делом, где не было ни преступления, ни преступника? Это означало отказ оплаты счетов на оперативные расходы либо настолько скудную оплату, насколько это возможно, и он знал, что, если ничего не произойдет, ему придется отчитываться за действия подчиненных.

— Пошли!

Снега, обещанного по радио, не было, но опустился холодный желтый туман. Двое мужчин, укрывшись в теплой и светлой пивной «У дофины», пили не пиво, показавшееся им не подходящим по сезону, а аперитивы. Облокотившись о стойку бара, они не говорили о Мартоне. Немного поболтали с хозяином пивной и, подняв воротники пальто, вернулись на Набережную.

Мегрэ решил оставить приоткрытой дверь в кабинет инспекторов и посадить за ней Лапуэнта, который довольно хорошо стенографировал. Эту предосторожность он предпринял на всякий случай.

Без десяти семь комиссар сидел за столом, ожидая, когда в дверь постучит старик Жозеф. Без пяти семь он все еще ждал, как и Лапуэнт, сидящий за дверью с остро заточенным карандашом наготове.

Комиссар начал терять терпение, когда без одной минуты семь наконец услышал шаги и увидел, как поворачивается белая фаянсовая ручка двери.

Это был Жозеф. Заранее предупрежденный комиссаром, он прошептал:

— Господин, которого вы ждете.

— Пригласите.

— Прошу прощения за опоздание... — начал Мартон. — Ехать на метро в этот час не имело смысла. Два автобуса были битком набиты, и я пошел пешком, решив, что так будет быстрее...

Он немного запыхался и разгорячился от бега.

— Может быть, снимете пальто?

— Пожалуй. Кажется, у меня начинается грипп.

Подготовительные действия заняли некоторое время.

Мартон не знал, куда деть пальто. Сначала положил на стул, потом заметил, что на этом стуле должен был сидеть сам, чтобы находиться лицом к лицу с комиссаром, и отнес в другой конец комнаты.

Наконец они уселись друг напротив друга, Мегрэ курил трубку и наблюдал за собеседником более пристально, чем накануне. Он был почти разочарован. Последние сутки его мысли постоянно вертелись вокруг Мартона, который постепенно превратился в его представлении в некоего необыкновенного персонажа, а перед ним сидел самый заурядный человек, каких сотнями встречаешь в метро и на улице. Мегрэ даже немного разозлился на него за эту банальность, за естественность поведения.

— Еще раз прошу прощения за то, что покинул ваш кабинет, не предупредив вас. У нас в магазине очень строгая дисциплина. Я отпросился на час, якобы к зубному, который живет на улице Сен-Рок, в двух шагах от «Лувра». Смотрю: время летит быстро, а в одиннадцать я должен быть на работе, чтобы принимать товар.

Хотел оставить записку вашему секретарю, тому старику, который меня проводил к вам, но его не оказалось в коридоре. Мне следовало бы вам позвонить, но нам запрещено вести частные разговоры, а большинство аппаратов подсоединено к коммутатору.

— А как вы сумели позвонить сегодня?

— Я воспользовался тем, что в кабинете старшего по этажу никого не было, — там прямой аппарат. Вы заметили, я быстро сказал

вам все, что хотел, и сразу положил трубку...

В этом не было ничего экстраординарного.

— А в полдень, в обеденный перерыв... — заметил комиссар.

— Во-первых, я подумал, что вы, наверное, тоже пошли обедать. Во-вторых, мне показалось, что вы отнеслись к моему приходу не слишком серьезно...

— А это серьезно?

— Конечно. Вы же послали человека побродить по моему отделу, верно?

Мегрэ промолчал. А продавец продолжал:

— Не хотите отвечать, но я уверен — это был инспектор полиции.

Должно быть, он тщательно подготовил этот разговор, как готовил первый. В его речи появлялись секундные паузы, словно пустоты. Он долго колебался, прежде чем задать вопрос:

— Моя жена к вам приходила?

— С чего вы взяли?

— Не знаю. Я давно ее изучил. Уверен, она о чем-то догадывается. Женщины, они как антенны. А она, с ее характером, если почувствует малейшую опасность, сразу ринется в атаку. Вы понимаете, что я хочу сказать?

Последовало молчание, во время которого он с упреком наблюдал за Мегрэ, словно обижался, что тот не играет с ним в открытую.

— Так она приходила?

Мегрэ заколебался, осознавая, что на нем лежит большая ответственность. Если Мартон хоть в какой-то степени страдает психическим заболеванием, ответ мог иметь огромное влияние на его дальнейшее поведение.

Несколько минут назад, сидя в одиночестве в своем кабинете, Мегрэ чуть было не набрал номер своего друга Пардона, чтобы попросить его присутствовать при этой беседе. Но разве доктор не говорил ему, что почти совсем не разбирается в психиатрии?

Ксавье Мартон сидел на стуле в полутора метрах от комиссара, разговаривал и вел себя как обычный посетитель. Возможно, он был нормальным человеком, чувствующим, что его жизни угрожает опасность, и пришедшим честно все рассказать полиции.

Но также он мог быть маньяком, одержимым манией преследования, нуждавшимся в том, чтобы его успокоили.

Возможно, он был сумасшедшим.

И наконец, он мог быть человеком, терзаемым дьявольскими мыслями, тоже в некотором смысле «типом со сдвигом», разработавшим тщательный план, который собирался осуществить, чего бы это ему ни стоило.

Внешность у него была банальной. Нос, глаза, рот, уши как у всех. Лицо покраснело, а глаза горели, возможно, из-за резкого перепада температур на улице и в кабинете. Или из-за начинающегося гриппа, о котором он упоминал.

Действительно у него начинается грипп или он придумал это объяснение, зная, что у него будут гореть глаза?

Мегрэ было не по себе. Он начал подозревать, что этот человек пришел к нему только затем, чтобы задать вопрос о своей жене. Быть может, он в свою очередь следил за ней? Знал, что она приходила на набережную Орфевр, и надеялся узнать, что она здесь говорила?

— Она ко мне приходила, — признался наконец комиссар.

— Что она вам рассказала?

— Обычно мои посетители отвечают на вопросы, а не задают их.

— Прошу прощения.

— Ваша жена очень элегантна, месье Мартон.

Его губы механически растянулись в гримасе, заменявшей улыбку и не выражавшей ни иронии, ни горечи.

— Знаю. Она всегда мечтала быть элегантной. Она решила стать элегантной.

Он сделал ударение на слове «решила», как подчеркнул бы его на письме, и Мегрэ вспомнил, что его собеседник уже неоднократно выделял подобным образом слова в своей речи.

Не прочитал ли он в каком-нибудь трактате по психологии, что настойчивое подчеркивание слов часто является признаком...

Но он отказывался оценивать разговор под этим углом.

— Вчера утром вы пришли сказать мне, что опасаетесь за свою жизнь. Рассказали о поведении вашей супруги, изменившемся некоторое время назад, о токсичном продукте, обнаруженном вами в кладовке. Вы также сказали мне, что неоднократно испытывали недомогание после приемов пищи. В этот момент меня вызвали к директору, и наш разговор не получил продолжения, поскольку вы

ушли, не дождавшись меня. Полагаю, вы собираетесь сообщить мне и другие детали.

Мартон улыбнулся немного грустной улыбкой незаслуженно обиженного человека.

— Существует манера задавать вопросы, которая очень затрудняет ответы на них, — заметил он.

Мегрэ чуть не завелся, поскольку решил, что ему преподают урок, который, как он чувствовал, заслужил.

— Но, черт подери, не собираетесь же вы мне сказать, что пришли сюда без конкретной цели? Вы намерены подать заявление относительно вашей жены?

Мартон покачал головой.

— Вы ее не обвиняете?

— В чем? — спросил он.

— Если сказанное вами вчера правда, вы можете обвинить ее в покушении на убийство.

— Вы в самом деле считаете, что это даст результат?

Какие у меня доказательства? Вы и то мне не верите.

Я передал вам образец фосфата цинка, но ведь я мог сам спрятать его в шкафу, где хранятся швабры. Из факта моего добровольного визита к невропатологу сделают вывод, что я не совсем здоров психически или, еще вероятнее, что я пытаюсь выглядеть таковым.

Это был первый раз, когда перед Мегрэ сидел подобный посетитель, и комиссар не мог не изумляться, глядя на него.

Каждый ответ, каждый новый жест сбивали его с толку. Он безуспешно искал прокол, слабое место, а оказалось, что на место поставили его.

— Моя жена наверняка рассказала вам о моей неврастении. Еще она должна была вам сказать, что, когда вечерами я вожусь со своими моделями и задуманное не получается, у меня случаются настоящие истерики со слезами...

— Вы рассказывали об этом доктору Стейнеру?

— Я ему все рассказал. В течение часа он задавал мне вопросы, о которых вы даже не подумали.

— Ну и что?

Он посмотрел Мегрэ прямо в глаза:

— То, что я не сумасшедший.

— И тем не менее убеждены, что ваша жена намерена убить вас?

— Да.

— Но не хотите, чтобы мы возбудили дело?

— Это ничего бы не дало.

— И защиты для себя тоже не просите?

— Зачем?

— Тогда я еще раз спрашиваю вас: зачем вы здесь?

— Для того чтобы вы знали и, если со мной случится несчастье, не верили в естественный характер моей смерти. Я много читал об отравлениях. По мнению ваших же экспертов, из десяти происходящих криминальных отравлений девять остаются неизвестными полиции.

— Где вы это вычитали?

— В одном полицейском журнале.

— Вы на него подписаны?

— Нет, читал в библиотеке. Теперь я могу вам сказать последнее: я не собираюсь сидеть сложа руки.

Мегрэ вздрогнул, почувствовав наконец, что прикоснулся к сути дела.

— Что конкретно вы хотите сказать?

— Во-первых, приму свои меры, об этом я вам говорил вчера. Во-вторых, именно из-за приведенных вам статистических данных я не стану доверять официальному правосудию и, если успею, свершу правосудие сам.

— Должен ли я понять вас так, что вы опередите вашу жену и убьете ее?

— Перед смертью, разумеется, но лишь после того, как она подсыплет мне яд. Очень немногие яды вызывают мгновенную смерть, и все их очень трудно достать. Таким образом, между моментом, когда я узнаю, что она осуществила свой замысел, и моментом, когда потеряю способность действовать, пройдет некоторое время. У меня дома есть револьвер, он постоянно заряжен. Кстати, он официально зарегистрирован, можете удостовериться в мэрии.

Моя жена об этом знает, поскольку он у меня уже несколько лет. Вот только с некоторых пор прячу его в таком месте, где она его не найдет. А она искала. И ищет до сих пор...

Бывали моменты, когда Мегрэ казалось наилучшим выходом отправить этого человека прямиком в медсанчасть изолятора

временного содержания.

— Предположим, сегодня вечером, через полчаса после ужина, вы почувствуете боли в желудке?

— Не бойтесь, месье Мегрэ. Я способен отличить симптомы отравления ядом от несварения желудка. Кроме того, мой желудок всегда работал отлично.

— Но если вы заподозрите, что вас отравили, вы начнете действовать?

— Если почувствую, то без колебаний.

— Вы выстрелите?

— Да.

Звонок телефона показался комиссару необычно громким в этой комнате, где установилась тяжелая, напряженная, какая-то нездоровая атмосфера.

— Это Люка, патрон...

— Да...

— Не мог доложить раньше, потому что не хотел оставлять ее одну на набережной...

— Кого?

— Женщину... Я вам сейчас объясню... Мне пришлось ждать, пока мимо пройдет кто-нибудь из коллег, чтобы передать наблюдение ему, а сам я поднялся позвонить вам... Меня сейчас заменяет Торранс...

— Короче. И не кричи, а то трубка взорвется... Понял ли Мартон, что речь косвенно идет о нем?

— Понял, патрон! Значит, так! Жанвье указал мне на вашего субъекта, когда тот выходил из магазина... Я сразу сел ему на хвост, а Жанвье остался на остановке ждать автобус...

— Дальше!

— Пока мы шли в толпе, а она в этот час плотная, сами знаете, я ничего не замечал. А когда пересекали двор Лувра и на набережных понял, что я не единственный пасу его...

— Продолжай.

— За ним по пятам шла женщина... Думаю, она меня не заметила, но не уверен... Она дошла за ним до набережной Орфевр да так там и стоит, в сотне метров от входа...

— Опиши...

— Нет нужды. Когда мимо проходил Торранс и я попросил его последить за ней, я поднялся сюда и попросил Жанвье выйти взглянуть на нее. Все-таки он занимается этим делом. Он только что вернулся и стоит рядом со мной... Передать ему трубку?

— Да.

— Алло, патрон... Это свояченица, Дженни...

— Ты уверен?

— Уверен.

— Она тебя не узнала?

— Нет. Я принял некоторые предосторожности.

— Спасибо.

— Новых инструкций не будет?

— Пусть Торранс продолжает наблюдение.

— А что насчет мужчины? Люка вести его, когда он выйдет?

— Да.

Он положил трубку на рычаг и встретился с обращенным на него вопросительным взглядом Мартона.

— Это моя жена? — спросил любитель игрушечных железных дорог.

— Что вы имеете в виду?

— Ничего. Я должен был понимать, что правды вы все равно не скажете.

— Вы слышали разговор?

— Нет. Но его нетрудно понять даже по вашим немногим словам. Если это моя жена...

— И что же тогда?

— Ничего. Я допустил ошибку, придя к вам вчера, и еще большую, вернувшись сегодня. Раз вы мне все равно не верите...

— Я хочу вам поверить. Послушайте! Раз вы так в себе уверены, я сделаю вам одно предложение. Доктор Стейнер, связанный профессиональной тайной, не хочет мне ничего говорить.

— Желаете, чтобы я прошел обследование у другого врача?

— У специалиста из медсанчасти изолятора временного содержания. Это честнейший человек, профессор, известный во всем мире.

— Когда? Немедленно?

— Нет. В это время его беспокоить не стоит. Он придет на службу завтра утром.

— Если не с раннего утра, — спокойно ответил Мартон, — я успею отпроситься с работы.

— Так вы согласны?

— А почему бы мне не согласиться?

— Вы также согласны подписать бумагу, в которой признаете, что подвергаетесь данному обследованию по вашей доброй воле и без всякого принуждения?

— Если вам это нужно.

— Вы любопытный человек, месье Мартон.

— Вы так считаете?

— Я помню, что здесь вы тоже находитесь по собственной воле. То есть вы не обязаны отвечать на мои вопросы. Однако мне бы хотелось задать вам несколько таких.

— И вы мне поверите?

— Постараюсь, и могу вас заверить, что не испытываю по отношению к вам никакого предубеждения.

Это заявление вызвало у Мартона лишь устало-скептическую улыбку.

— Вы любите вашу жену?

— Теперь?

— Конечно теперь.

— Теперь — нет.

— Она вас любит?

— Она меня ненавидит.

— Когда вы ушли отсюда вчера утром, я представлял себе вашу семью совсем иначе.

— Мы не успели обговорить все до конца, да вы и не слишком хотели меня слушать.

— Как вам угодно. Я продолжаю?

— Прошу вас.

— Вы любили ее?

— Думал, что люблю.

— Объясните, что вы под этим понимаете.

— До встречи с ней я жил один, не позволяя себе никаких развлечений. Много работал, знаете ли. Начав с самого низа, я должен

был прилагать огромные усилия, чтобы стать тем, кем стал.

— У вас не было связей с женщинами до встречи с вашей женой?

— Редко. Приключения сами догадываетесь какого рода. Я испытывал больше стыда, чем удовольствия.

А встретив Жизель, я сделал из нее идеал, который и полюбил. Слово «чета» было для меня волшебным.

Я мечтал о нем. Мы должны были стать супружеской четой. Я стану одной из половинок четы. Я уже не буду одинок в своей квартире, в жизни. И в один прекрасный день у нас появятся дети...

— У вас их нет?

— Жизель не хочет.

— Она вас предупредила заранее?

— Нет. Если бы предупредила, я бы все равно на ней женился и довольствовался бы тем, что нас будет двое...

— Она вас любила?

— Я думал, да.

— Но однажды вы заметили, что ошибались?

— Да.

— Когда?

Он ответил не сразу. Казалось, вдруг столкнулся с серьезной нравственной проблемой и обдумывал ее. Мегрэ его не подгонял.

— Полагаю, — прошептал наконец Мартон, — вы провели расследование? Если вы послали человека следить за мной в магазине, то другого должны были направить на авеню Шатийон.

— Совершенно верно.

— В таком случае буду говорить откровенно. И на заданный вами вопрос отвечаю: два года назад.

— Иначе говоря, примерно в то же самое время, когда к вам переехала жить свояченица, вы поняли, что жена вас не любит и никогда не любила?

— Да.

— Вы могли бы мне объяснить, почему вы так решили?

— Это просто. До знакомства со свояченицей, которая жила в Америке вместе с мужем, я не всегда бывал счастлив в семейной жизни, но считал, что счастлив, насколько это возможно. Понимаете? Иными словами, я считал свои разочарования неизбежными, воображая, будто все мужчины переживают то же самое. Короче,

Жизель женщина, и я считал присущие ей недостатки свойственными всем женщинам. — Он по-прежнему тщательно подбирал слова, выделяя некоторые из них интонацией. — Как и все, полагаю, я мечтал об определенной форме любви, союза, слияния — называйте это как хотите, и после нескольких лет или месяцев пришел к выводу, что этого не существует.

— То есть не существует любви?

— Во всяком случае, такой любви.

— В чем вы упрекаете жену?

— Пожалуй, не очень порядочно говорить то, чего вы от меня добиваетесь, но, если я не отвечу искренне, вы опять сделаете ложные выводы. Например, сегодня я знаю, что Жизель уехала из Руана, от семьи, движимая только честолюбием. Не любовью к человеку, за которым она в то время последовала и который, по ее рассказам, бросил ее через несколько месяцев. Этот человек был для нее первой ступенькой, это был Париж. Даже если бы он ее не бросил, она все равно прожила бы с ним недолго.

Любопытно было слушать, как он это говорит: без возбуждения, бесстрастно, словно рассматривая отвлеченный пример, стараясь излагать суть дела точно и четко.

— Вот только она полагала, что все пойдет гораздо быстрее. Она была молода, хороша собой, привлекательна и не ожидала, что придется бегать из одной конторы в другую и выискивать в газетах объявления в рубрике «Требуются на работу», чтобы в конце концов получить место продавщицы в отделе белья универмага.

— А разве вы сами не честолюбивы?

— Это другое дело. Дайте мне досказать про нее. По вечерам она встречалась с коллегами, в основном начальниками отделов, но или все они были женаты, или же не предлагали ей выйти замуж. В тот момент, когда она почувствовала, что начинает стареть, на сцене появился я. Опыт подсказал ей, что на худой конец я вполне приемлемый вариант, и она сделала все необходимое.

— То есть?

— Убедила меня, что любит. Несколько лет я думал только о нашей семье, о том, что называл нашим гнездышком, о нашем будущем. Она казалась мне холодной, но я утешался мыслями, что женщины, которые таковыми не кажутся, просто притворяются. Я

знал, что она скуповата, даже жадна, но убеждал себя, что таковы все женщины.

— Вы были несчастны?

— У меня была работа. Она над ней смеялась, называла меня маньяком, стыдилась, как я теперь знаю, что вышла за человека, занимающегося детскими игрушками. Она нашла себе получше.

Мегрэ догадывался, что последует за этой фразой.

— Что вы хотите сказать?

— Она познакомилась с мужчиной, который некоторое время работал в магазине, с неким Морисом Швобом. Не знаю, любит ли она его. Возможно, любит. Как бы то ни было, он позволил ей сделать еще один шаг вверх, и шаг большой. Он женился на бывшей актрисе, долгое время жившей на содержании и накопившей много денег...

— По этой причине ваша жена и не подала на развод, чтобы затем выйти за Швоба?

— Полагаю, да. Как бы то ни было, они вместе открыли магазин на деньги старухи.

— Вы считаете, они любовники?

— Я это знаю.

— Вы за ними следили?

— Любопытство свойственно мне не меньше, чем другим.

— Но и вы, вы тоже не подали на развод?

Мартон не ответил. Казалось, они зашли в тупик.

— Это положение уже существовало к моменту приезда вашей свояченицы?

— Возможно, но мои глаза еще не открылись.

— Вы мне сказали, что поняли, уже когда ваша свояченица жила с вами на авеню Шатийон. Что вы поняли?

— Что существуют женщины другого типа, такие, о которых я всегда мечтал.

— Вы ее любите?

— Да.

— Она ваша любовница?

— Нет.

— Как бы то ни было, вы порой встречаетесь с ней тайком от вашей жены?

— Вы и это знаете?

— Я знаю, что есть такой маленький ресторанчик, который называется «Нормандская дыра».

— Это правда. Дженни часто приходит туда в мой обеденный перерыв. А моя жена почти всегда сопровождает Швоба в более шикарные заведения. Она уже не принадлежит к нашему миру, понимаете? — Последнее слово часто появлялось в речи Мартона, словно тот боялся, что Мегрэ упустит нить их разговора. — Понимаете?

— Ваша свояченица вас тоже любит?

— Думаю, начинает.

— Только начинает?

— Она по-настоящему любила мужа. Это была счастливая чета. Жили в Нью-Джерси, недалеко от Нью-Йорка, в красивом загородном доме. Эдгар погиб в результате несчастного случая, а Дженни попыталась покончить с собой. Однажды вечером она открыла газ... Ее едва успели спасти. Тогда, не зная, что делать, она вернулась в Европу, и мы ее приняли. Она еще носит траур. Никак не привыкнет носить одежду не черного цвета. Жизель над ней насмехается, советует бывать в обществе, веселиться, чтобы развеяться. А я, наоборот, стараюсь постепенно вернуть ей вкус к жизни...

— И вам удастся?

Мартон покраснел, как подросток.

— Думаю, да. Теперь вы понимаете, почему мы с ней не любовники? Я люблю ее и уважаю. Не хотел бы ради эгоистического удовлетворения...

Интересно, стенографирует это Лапуэнт или нет? Если бы протокол допроса был официальным, Мегрэ, очевидно, выставил бы себя на посмешище.

— Дженни знает, что ее сестра желает вашей смерти?

— Я с ней об этом не говорил.

— Она в курсе вашего разлада?

— Она живет с нами. Заметьте, мы с женой никогда не ссоримся.

Внешне ведем обычную супружескую жизнь.

Жизель слишком умна, чтобы провоцировать скандалы.

К тому же есть десять миллионов, которые позволили бы ей стать полноправной совладелицей магазина на улице Сент-Оноре и

равноправным партнером Мориса Швоба, именующего себя Харрисом.

— Что за десять миллионов?

— Страховка.

— Когда вы заключили договор о страховании? До приезда свояченицы или после?

— Примерно четыре года назад. Жизель уже работала вместе со Швобом. К нам, как бы случайно, зашел страховой агент, но потом я понял, что его пригласила моя жена. Вы знаете, как это бывает. «Никогда не знаешь, когда умрешь, — сказал он. — А это подспорье для того супруга, кто переживет другого...»

Мартон впервые засмеялся. Смех был тихим и неприятным.

— Я еще ничего не знал. Короче, мы подписали полис на десять миллионов.

— Вы сказали «мы»?

— Да, поскольку страховка взаимная. Они называют такую «двухголовой».

— Иными словами, в случае смерти жены вы тоже получите десять миллионов?

— Конечно.

— То есть вы настолько же заинтересованы в ее смерти, как и она в вашей?

— Я этого не скрываю.

— И вы друг друга ненавидите?

— Она меня ненавидит.

— А вы ее?

— Не испытываю к ней ненависти. Просто предпринимаю предосторожности.

— Но вы любите вашу свояченицу?

— Я и этого не скрываю.

— А ваша жена — любовница Швоба-Харриса?

— Это факт.

— Вы хотите сказать мне еще что-нибудь?

— Не знаю. Я ответил на ваши вопросы. Готов завтра утром явиться на освидетельствование, о котором вы говорили. К которому часу мне прийти?

— Между десятью и полуднем. Как вам удобнее?

— Это надолго?

— Примерно как у доктора Стейнера.

— Значит, час. Давайте в одиннадцать, если вам это подходит. Так мне не придется возвращаться в магазин.

Мартон неуверенно поднялся, видимо ожидая новых вопросов. Пока он надевал пальто, Мегрэ прошептал:

— Свояченица ждет вас на набережной.

Мартон замер, вдев руку в рукав лишь наполовину.

— Что?!

— Вас это удивляет? Она не знала о вашем визите сюда?

Он замешкался с ответом на какую-то секунду, но это не ускользнуло от Мегрэ.

— Конечно.

На этот раз он очевидно врал. Он вдруг заторопился уйти. Он уже не был так уверен в себе.

— До завтра... — пробормотал он.

И поскольку машинально начал протягивать руку для прощанья, был вынужден довести движение до конца.

Мегрэ ответил на рукопожатие и посмотрел, как посетитель уходит в сторону лестницы. Он закрыл за Мартоном дверь и какое-то время стоял неподвижно, глубоко дыша.

— Уф!.. — вздохнул он в тот самый момент, когда в двери показался Лапуэнт, чье запястье затекло от долгого и быстрого письма.

Он не припоминал такого ошеломляющего допроса, каким выдался этот.

Глава 6

Вечер в кино

— Люка? — спросил Мегрэ, кивнув на дверь, ведущую в кабинет инспекторов.

Лапуэнт понял не только вопрос, но и то, что в данный момент комиссар не расположен много разговаривать.

— Сменил Торранса на набережной. Поскольку Торранс не в курсе...

Мегрэ разом перескочил с одной мысли на другую, но и тогда инспектор сразу понял его:

— Что ты об этом думаешь?

За исключением Жанвье, с которым он всегда был на «ты», Мегрэ редко «тыкал» сотрудникам — да и то не всем, — лишь в запарке действия либо когда был очень занят. Такое обращение всегда доставляло Лапуэнту удовольствие, потому что создавало впечатление, что между ними двумя вдруг устанавливается особая атмосфера доверия.

— Не знаю, патрон. Я его слышал, но не видел, а это большая разница...

Именно поэтому комиссар и спрашивал его мнение.

Они слышали одни и те же слова. Но молодой человек, спрятавшийся за дверь, не отвлекался на лицо, глаза, руки посетителя, из-за чего рассеивалось внимание самого Мегрэ. Он находился примерно в положении театральных билетерш, которые слышат пьесы из коридора и для которых произносимые реплики имеют совсем другое значение.

— Он произвел на меня впечатление искреннего человека.

— Не с приветом?

— Ему, должно быть, трудно объяснить свои мысли, когда перед ним сидит такой человек, как вы...

Лапуэнт не сразу решился произнести эту фразу из опасения быть неверно понятым, тогда как сам считал ее комплиментом.

— Вы лучше поймете мою мысль, перечитав ваши реплики. Только в конце...

— Что в конце?

— Возможно, он солгал. Во всяком случае, мне так показалось. Свояченица должна была знать, что он пошел сюда. И он в этом нисколько не сомневался. Единственное, чего он не знал, так это того, что она следила за ним и ждет на набережной. Думаю, это его разозлило. Хотите, я распечатаю текст на машинке прямо сейчас?

Мегрэ покачал головой и добавил:

— Надеюсь, тебе не придется его печатать.

Комиссар начал терять терпение, то и дело спрашивая себя, почему не возвращается Люка. У того не было никаких причин вести парочку до авеню Шатийон. Комиссару хотелось поскорее узнать, как прошла встреча, и Лапуэнт разделял его любопытство.

— Интересно, — прошептал инспектор, — с чего это он заявил, будто свояченица не в курсе.

— Для этого могла быть причина.

— Какая?

— Нежелание скомпрометировать ее. Он не хотел, чтобы однажды ее обвинили в соучастии.

— Она может быть соучастницей только в том случае, если...

Лапуэнт осекся на середине фразы и с удивлением посмотрел на шефа. Фраза Мегрэ подразумевала, что должно произойти нечто такое, что поставит Ксавье Мартона в очень неприятное положение. Поговорить об этом подольше он не успел, потому что послышались быстрые и частые шаги. Так ходил только Люка. Тот заглянул в кабинет инспекторов и встал в дверях.

— Можно войти, патрон?

На его черном мохнатом пальто еще виднелись маленькие белые пятнышки.

— Снег идет?

— Начинает. Мелкий, но частый.

— Рассказывай.

— Малышка на набережной небось замерзла сильнее, чем я. Тем более, что на ней легкие туфли. Я слышал, как она цокала каблучками по асфальту. Сначала стояла неподвижно возле каменного парапета, избегая попадать в свет уличных фонарей. По тому, как она стояла, я догадывался, хотя видел только силуэт, что она смотрит на освещенные окна. В «конторе» таких было еще много, но они гасли

одно за другим. Время от времени под аркой слышались голоса. Я никогда не замечал, что наши голоса, когда мы выходим, разносятся так далеко. Инспекторы, по двое или по трое, выходили на улицу, прощались, расходились...

Она незаметно приближалась к зданию, как будто ее зачаровывал свет в вашем кабинете, и все сильнее нервничала. Я уверен, что она несколько раз была готова пересечь проезжую часть и войти...

— Небось навдумывала себе, что я его арестовал?

— Не знаю. В конце концов он вышел, один, прошел мимо ажана, дежурящего у дверей, и сразу огляделся, будто кого-то искал...

— Ее искал. Я ему сказал, что она здесь.

— Теперь понятно. Ему было трудно увидеть ее на том месте, где она стояла. Сначала он прошел в сторону Нового моста, а она была с противоположной стороны. Потом он вернулся. Мне показалось, что, как только Мартон повернется к ней спиной, она воспользуется случаем, чтобы уйти или спуститься на грузовую набережную, но он заметил ее прежде, чем она шевельнулась. Я не мог слышать, о чем они говорили. По их поведению мне показалось, что он стал ее упрекать. Он не жестикулировал, но вел себя, как будто был в ярости.

Она взяла его под руку, показала на дежурного и повела к мосту Сен-Мишель...

— Секунду, — перебил его Мегрэ. — Каким манером она взяла его под руку?

Если Люка, похоже, не понял вопроса, Лапуэнт, который был влюблен, сразу сообразил.

— Естественно, как обычно женщина на улице берет под руку мужа или любовника. Очевидно, он высказал ей еще несколько упреков, но уже не так энергично.

Потом, полагаю, заметил, что она замерзла, и обнял за талию. Они приникли друг к другу и пошли, стараясь шагать в ногу...

Лапуэнт и Мегрэ переглянулись, думая об одном и том же.

— Дойдя до моста Сен-Мишель, они остановились, потом, по-прежнему обнимая друг друга за талию, пересекли улицу и вошли в бар на углу. Ведь время аперитива. Я не стал заходить и смотрел на них сквозь запотевшее стекло. Оба стояли возле кассы. Гарсон приготовил грог и поставил на стойку перед женщиной, та как будто

запротестовала. Мартон стал настаивать. Наконец она выпила грог, дую на него, а он ограничился чашкой кофе.

— Кстати, — обратился Мегрэ к Лапуэнту, — а что он пил в обед?

— Минералку.

Интересно. Если бы его об этом спросили, Мегрэ еще раньше готов был побиться об заклад, что любитель игрушечных железных дорог не пьет ни вина, ни крепких спиртных напитков.

— Когда они вышли, — досказывал Люка, — направились к остановке и подождали автобус. Я видел, как они в него сели, и решил, что мне следует вернуться, чтобы отчитаться. Я правильно сделал?

Мегрэ кивнул. Снег на пальто Люка растаял, а сам инспектор все время разговора грел руки о батарее.

Комиссар и к нему обратился на «ты»:

— У тебя есть планы на сегодняшний вечер?

— Ничего особенного.

— У меня тоже, — поспешил добавить Лапуэнт.

— Не знаю, кого из вас двоих попросить провести ночь на улице.

В такую погоду это не очень приятно...

— Меня!.. — заявил молодой инспектор, подняв руку, будто в школе.

— А почему бы не разделить дежурство? — предложил Люка. — Я могу позвонить жене, что не вернусь к ужину. Перехвачу бутерброд в баре напротив церкви в Монруже. А потом Лапуэнт меня сменит...

— Я приду к десяти часам, — решил Лапуэнт.

— Можно даже позже, если хотите. Почему бы не разделить ночь на две равные половины. Скажем, в полночь?

— Я приду раньше. Раз уж я не сплю, то хочу сделать что-нибудь полезное.

— Какие будут инструкции, патрон?

— Никаких, ребята. Если завтра у меня потребуют отчет, мне будет трудно мотивировать это ночное дежурство. Они оба приходили сюда: и муж, и жена. Оба ввели меня в курс своих проблем. Рассуждая логически, ничего не должно произойти, но именно потому...

Он не высказал до конца свою мысль, которая была недостаточно четкой, чтобы ее можно было выразить словами.

— Возможно, я сделал ошибку, сказав ему, что сюда приходила его жена. Я колебался, а потом подумал... — Он пожал плечами,

раздраженный этой историей, и открыл шкаф, в котором висели его пальто и шляпа, ворча при этом: — Ладно! Там видно будет... Все равно спокойной ночи, ребята...

— Спокойной ночи, патрон.

И Люка добавил:

— Я буду там через час.

На улице похолодало, и маленькие колючие снежинки, едва различимые в свете уличных фонарей, кололи кожу, ложились на ресницы, брови, губы.

У Мегрэ не хватило сил ждать автобуса, поэтому он остановил такси и забился в угол салона, плотно укутавшись в тяжелое пальто.

Все дела, что он расследовал до сих пор, в сравнении с этим казались ему почти по-детски простыми, и это его раздражало. Никогда еще он не был так не уверен в себе, до такой степени, что звонил Пардону, ходил к патрону, к прокурору, а вот теперь ловил одобрение Лапуэнта.

У него было ощущение, что он топчется на месте.

Потом, когда машина объезжала площадь Республики, ему в голову пришла мысль, которая его немного успокоила.

Если это дело было не таким, как другие, и он не знал, как за него взяться, то не потому ли, что на сей раз речь шла не об уже совершенном убийстве, обстоятельства которого следовало реконструировать, а об убийстве, которое могло совершиться в любой момент.

И вполне возможно, что оно вообще не совершится!

Сколько потенциальных убийств, иногда очень тщательно подготовленных, так и остаются в голове убийцы и никогда не воплощаются в жизни? Сколько людей мечтают от кого-то избавиться, рассматривают различные способы достичь своей цели, а в последний момент не находят в себе смелости?

В памяти всплыли дела, которые он вел раньше. Некоторые из них никогда бы не были раскрыты, если бы не благоприятное стечение обстоятельств, порой случайность. В некоторых случаях, если бы жертва не произнесла ту или иную фразу, повела бы себя не так, а этак, ничего бы не произошло.

В этот раз ему предстояло не реконструировать слова и действия людей, а предвидеть их поведение, что особенно сложно.

И все трактаты по психологии, психоанализу и психиатрии ему тут не помогут.

Он знал другие супружеские пары, где одна половина желала смерти другой.

Однако прецеденты ему тоже не помогут. Прецеденты хороши, если имеешь дело с профессиональными преступниками и с некоторыми маньяками — теми, которые уже совершили одно или несколько убийств и продолжают серию.

Мегрэ не заметил, что такси остановилось у тротуара.

— Приехали, командир! — обратился к нему водитель.

Дверь квартиры открылась, как обычно, и Мегрэ узнал свет, привычные запахи, мебель, различные предметы, по многу лет стоящие на одних и тех же местах.

Он встретил взгляд мадам Мегрэ, в котором, как и всегда, когда она чувствовала, что он озабочен, читался немой вопрос.

— А не сходить ли нам в кино? — предложил он.

— Снег же!

— Боишься простудиться?

— Нет. Я с удовольствием сходила бы в кино.

Мадам Мегрэ догадывалась, что ему не хочется сидеть весь вечер в кресле и, как накануне, бесконечно прокручивать в голове один и тот же вопрос. Через час они направились пешком к площади Республики и бульвару Бонн-Нувель, и мадам Мегрэ держала мужа под руку.

Свояченица Ксавье Мартона, Дженни, сделала то же самое, когда он застал ее на набережной. Мегрэ вспоминал, через сколько времени после их первой встречи жена усвоила этот жест.

Он спросил ее об этом в сотне метров от кинотеатра.

Они даже не знали, какой фильм там идет.

— Я помню, — улыбнулась она. — Помню очень четко. Мы были знакомы три месяца. На предыдущей неделе ты поцеловал меня на лестничной площадке и с тех пор каждый вечер целовал на том же самом месте.

Однажды, во вторник, ты повел меня в «Опера-Комик», где шла «Кармен». На мне было платье из синей тафты. Я могу тебе даже сказать, какими духами надушилась. Пока мы шли к такси, ты меня не держал, только подал руку, помогая сесть в машину.

После театра ты спросил меня, хочу ли я есть. Мы пошли на Большие бульвары, где еще существовала «Таверна Пуссе».

Я притворилась, будто споткнулась из-за высокого каблука, и ухватилась за твою руку. Эта дерзость так меня напугала, что я вся дрожала, а тебе пришла удачная мысль сделать вид, будто ты ничего не заметил.

При выходе из ресторана я повторила этот жест и с тех пор делаю это постоянно.

Иначе говоря, Дженни тоже привыкла. Значит, она часто прогуливается по улицам вместе со своим зятем.

Не означало ли это, что они не скрываются и, хотя Мартон утверждал обратное, Жизель Мартон в курсе их отношений?

Комиссар нагнулся к окошку кассы, потом направился к входу с двумя розовыми билетами в руке.

Шел детектив с пальбой, драками и героем — крутым парнем, который лихо сигал из окна прямо на сиденье автомобиля с открытым верхом, оглушал посреди города водителя, занимал его место за рулем и на бешеной скорости уходил от полицейских машин, гнавшихся за ним, завывая сиренами.

Мегрэ непроизвольно улыбался. Фильм его развеселил. Но все равно не забывал Мартенов, их родственницу, Харриса, настоящая фамилия которого была Швоб, и более или менее запутанные дела обеих пар.

В перерыве между сериями он купил жене конфеты, потому что это тоже было их давней традицией, родившейся в одно время с привычкой мадам Мегрэ брать его под руку. Традицией было и то, что, пока она ела конфеты, он выкуривал в холле половину трубки, рассеянно поглядывая на афиши, анонсирующие фильмы, которые скоро пойдут в прокат.

Когда они вышли на улицу, снег продолжал падать, но хлопья стали крупнее, было видно, как они мгновение дрожат на земле, прежде чем растаять. Они шли пригнувшись, чтобы снежинки не попадали в глаза. Завтра снег, очевидно, выбелит крыши и стоящие у тротуаров автомобили.

— Такси!

Мегрэ боялся, что жена простудится. Ему казалось, что она похудела, и, хотя знал, что это рекомендовал Пардон, все равно

беспокоился. Ему казалось, что она стала более хрупкой, что может утратить свой оптимизм, свой веселый характер.

Когда машина остановилась перед их домом на бульваре Ришар-Ленуар, Мегрэ поинтересовался:

— Тебе будет очень неприятно, если я кое-куда съезжу и вернусь через час?

В другом случае он не стал бы спрашивать; просто объявил бы, что у него дела. Но в этот вечер речь шла о необязательном шаге, который, возможно, вообще был ненужным и бессмысленным, поэтому он испытывал необходимость извиниться.

— Тебя ждать?

— Нет. Ложись. Я могу задержаться.

Мегрэ увидел, как она пересекла тротуар, отыскивая в сумочке ключ от квартиры.

— Церковь Сен-Пьер-де-Монруж, — велел комиссар таксисту.

Улицы были почти пусты, на мокрой мостовой виднелись извилистые следы машин, которые заносило при торможении.

— Не очень быстро...

«Если действительно что-то должно случиться...» — думал он.

Почему у него было впечатление, что это произойдет совсем скоро? Ксавье Мартон пришел к нему вчера. Не на прошлой неделе, когда ситуация была точно такой же, а только вчера. Не указывало ли это на определенную зрелость драмы?

Жизель тоже пришла на Набережную вчера.

А ее муж вернулся туда сегодня.

Мегрэ пытался вспомнить, что на этот счет говорилось в той книге по психиатрии, которую он просматривал. В конце концов, может быть, он напрасно не проявил к ней большой интерес? Там был обширный материал о развитии кризисов, но он пропустил эти страницы.

Но одно обстоятельство могло ускорить развязку драмы. Ксавье Мартон согласился пройти освидетельствование завтра, в одиннадцать утра, в специальной медсанчасти изолятора временного содержания.

Расскажет ли он об этом свояченице? А жене? А та поделится ли новостью со своим любовником с улицы Сент-Оноре? После прохождения Мартоном осмотра, вне зависимости от результатов, похоже, для новых поворотов времени уже не останется.

Такси остановилось перед церковью. Мегрэ заплатил за проезд. Напротив было еще открытое в этот час кафе-бар, где сидели лишь два или три посетителя. Мегрэ вошел, заказал грог, как для того, чтобы согреться, так и потому, что сегодня уже заходила речь про грог. Когда он направился к телефонной кабинке, гарсон окликнул его:

— Вам жетон?

— Я только загляну в телефонную книгу.

Думая о месье Харрисе, он вдруг спросил себя, есть ли у Мартенов телефон, и пошел проверить.

Телефона у них не было. В справочнике значилось много Мортонов, Мартэнов, но ни одного Мартона.

— Сколько с меня?

Комиссар пошел по пустынной авеню Шатийон, лишь в паре окон еще горел свет. Он не видел ни Люка, ни Лапуэнта и уже начал беспокоиться, как вдруг примерно в середине авеню, недалеко от перекрестка с улицей Антуан-Шантен, услышал возле себя голос:

— Я тут, патрон...

Это был молодой Лапуэнт, спрятавшийся в щели между домами. Лицо он по самый нос замотал шарфом, руки поглубже засунул в карманы пальто.

— Я узнал ваши шаги, как только вы свернули на авеню.

— Здесь? — спросил комиссар, указывая кивком на желтый кирпичный дом, все окна в котором были темными.

— Да. Видите темную дыру справа от двери?

Это был узкий проход, каких еще много сохранилось в Париже, даже в самом сердце города. В таком вот проходе на бульваре Сен-Мартен однажды нашли труп человека, убитого в пять часов дня, в нескольких метрах от спешащей по тротуару толпы.

— Проход во двор?

— Да. Они могут входить и выходить, не вызывая консьержку.

— Ты проверял?

— Каждые десять минут. Если пойдете, будьте внимательны. К вам бесшумно подкрадется и потрется о ноги здоровенный рыжий котяра. В первый раз он так замаякал, что я испугался, что он поднимет тревогу.

— Они легли?

— Когда я заглядывал в последний раз, еще не ложились.

— Чем занимаются?

— Не знаю. Кто-то находится на втором этаже — там горит свет, но сквозь задвинутые шторы ничего не видно. Я даже тени не видел. Надо думать, человек или люди, которые находятся в комнате, не двигаются или не подходят к окну. На первом этаже тоже горит свет.

Это не сразу заметно, потому что в щели между металлическими ставнями пробиваются очень узкие полоски света.

Мегрэ пересек улицу, Лапуэнт последовал за ним. Оба старались не шуметь. В проходе длиной метра четыре было холодно и сыро, как в погребе. Во дворе они оказались в полной темноте, и поскольку стояли неподвижно, к ним действительно подошел кот и начал тереться о ноги, но не комиссара, а Лапуэнта, которого уже признал за своего.

— Они легли, — прошептал инспектор. — Освещенное окно как раз перед вами.

Он на цыпочках подошел к ставне первого этажа, нагнулся и вернулся к комиссару. В тот момент, когда двое мужчин собирались развернуться и уйти, загорелся свет, но не в коттедже, а на четвертом этаже дома.

Оба полицейских замерли в тени, боясь, что кто-то из жильцов услышал их, и ожидали увидеть прильнувшее к стеклу лицо.

Ничего подобного не произошло. За шторой мелькнула тень. Послышался шум воды.

— Туалет... — вздохнул успокоившийся Лапуэнт.

Через секунду они вновь заняли место на тротуаре на противоположной стороне авеню. Странно, но оба как будто были разочарованы.

— Они легли, — прошептал наконец Лапуэнт.

Не означало ли это, что ничего не произойдет и что комиссар напрасно беспокоился?

— Хотел бы я знать... — начал Мегрэ.

Прямо на них катили два ажана на велосипедах. Патрульные издали заметили двух мужчин, стоящих на тротуаре, и один громким голосом окликнул их:

— Эй, вы двое, чего тут торчите?

Мегрэ шагнул к ним. Луч карманного фонарика нашел его лицо. Ажан нахмурил брови:

— Вы, часом, не?.. Простите, господин дивизионный комиссар. Я вас сразу не узнал... — И, бросив взгляд на дом напротив, добавил: — Помощь не нужна?

— Пока нет.

— Как бы то ни было, мы тут проезжаем каждый час.

Патрульные в припорошенных снегом пелеринах уехали, а Мегрэ вернулся к Лапуэнту, который не сдвинулся с места.

— О чем я говорил?

— Что вы хотели бы знать...

— Ах да!.. Хотел бы я знать, в одной постели спят муж и жена или нет...

— Не знаю. Судя по тому, что сегодня днем мне рассказывал Жанвье, на первом этаже стоит диван, но это не значит, что на нем кто-то спит. Рассуждая логически, если там кто и спит, то это должна быть свояченица, верно?

— Спокойной ночи, старина. Наверное, ты можешь...

Он не решался отпустить Лапуэнта. Но чего ради дежурить перед домом, где ничего не происходит?

— Если вы колеблетесь из-за меня...

В душе Лапуэнт был даже обижен, что не придется дежурить до утра.

— Оставайся, если хочешь. Спокойной ночи. Ты не возражаешь пропустить по стаканчику?

— Признаюсь, я ходил выпить за несколько минут до вашего прихода. Из бара на углу можно наблюдать за домом.

Когда Мегрэ дошел до станции «Сен-Пьер-де-Монруж», вход в метро был уже закрыт и поблизости не оказалось ни одного такси. Он заколебался в выборе маршрута: к «Бельфорскому льву» или на авеню дю Мэн, в сторону вокзала Монпарнас. Он выбрал авеню дю Мэн, потому что она вела к вокзалу, где больше вероятность поймать такси, и действительно, скоро остановил машину, возвращавшуюся пустой.

— Бульвар Ришар-Ленуар.

Ключа от квартиры у комиссара не было, но он знал, что найдет его под ковриком у двери. Хоть Мегрэ и был начальником криминальной бригады, ему ни разу даже в голову не пришло сказать жене, что такой тайник по меньшей мере ненадежен.

Мадам Мегрэ спала, поэтому он разделся в полутьме, оставив включенной лишь лампу в коридоре. Через несколько секунд от кровати донесся голос:

— Который час?

— Не знаю. Наверное, половина второго.

— Ты не замерз?

— Нет.

— Хочешь, я сделаю тебе отвар?

— Спасибо. Я недавно выпил грог.

— И после этого вышел на улицу?

Эти банальные фразы он слышал сотни раз, но этой ночью они звучали по-особому, потому что он мысленно спрашивал себя, произносила ли их когда-нибудь Жизель Мартон.

А может, не слыша их, ее муж и...

— Можешь включить свет.

Он включил настольную лампу со своей стороны кровати и пошел выключить свет в коридоре.

— Ты хорошо запер входную дверь?

Мегрэ не удивился бы, услышав через несколько минут, что жена встала проверить.

Это тоже входило в состав того целого, что наверняка искал в браке Ксавье Мартон. Искал, но не нашел, и...

Комиссар скользнул под одеяло, выключил свет и в темноте сразу же нашел губами губы жены. Ему казалось, что заснуть будет трудно, но через несколько минут он уже спал. Правда, включи сейчас кто-нибудь свет, стало бы видно, что его брови нахмурены, лицо сосредоточено, как будто он продолжает погоню за ускользающей истиной.

Обычно мадам Мегрэ бесшумно вставала в половине седьмого и шла на кухню, чего он не слышал. Он начинал осознавать реалии начинающегося дня, лишь когда до него доносился аромат кофе.

В этот час в других окнах на бульваре Ришар-Ленуар, как и во всех кварталах Парижа, загорались окна, по мостовым уже стучали шаги ранних прохожих. Но в тот день Мегрэ разбудил не знакомый запах кофе и не тихие шаги жены. Из ночного мира его резко вырвал телефонный звонок, и, когда он открыл глаза, мадам Мегрэ, уже сидевшая на постели, трясла его за плечо.

— Который час? — пробормотал он.

Она стала на ощупь искать выключатель ночника.

Вспыхнувшая лампа осветила будильник, стрелки которого показывали шесть десять.

— Алло!.. — бросил Мегрэ в трубку хриплым от сна голосом. — Это вы, Лапуэнт?

— Комиссар Мегрэ?

Голос был ему незнаком, и он нахмурил брови:

— Кто говорит?

— Дежурная часть, инспектор Жоффр.

В определенных случаях он отдавал дежурной части распоряжение звонить ему домой в случае той или иной экстренной ситуации. Вчера он такого распоряжения не отдавал. Его мысли были еще бессвязными, однако он не удивлялся.

— Что случилось, Жоффр? Это Лапуэнт?

— Что — Лапуэнт?

— Вас попросил мне позвонить Лапуэнт?

— У меня нет известий от Лапуэнта. Был только телефонный звонок несколько минут назад с просьбой передать вам сообщение.

— Какое?

— Немедленно выехать на авеню Шатийон. Подождите!.. Я записал номер дома...

— Я знаю. Кто звонил?

— Не знаю. Звонивший не назвался.

— Мужчина? Женщина?

— Женщина. Утверждает, что вы в курсе и сразу поймете, что это значит. Она вроде бы искала ваш номер в телефонной книге, но...

Номера Мегрэ в справочнике не было.

— Чем могу вам помочь?

Комиссар заколебался. Он хотел попросить Жоффра позвонить от его имени в комиссариат XIV округа, чтобы оттуда послали оперативников на авеню Шатийон.

Но, подумав, не стал этого делать. Сидя на краю кровати, он искал ногами тапочки. Что касается жены, она уже была на кухне, и он услышал шипенье газа, когда она ставила на конфорку воду для кипячения.

— Ничем, спасибо...

Его удивило, что позвонил не Лапуэнт, хотя тот остался на месте. Какая же женщина звонила? Жизель Мартон? Или ее сестра?

Если одна из них, то звонок был из дома, иначе Лапуэнт увидел бы, как она выходила, и сразу позвонил бы Мегрэ.

Но у Мартонов не было телефона.

Он позвал жену:

— Пока я одеваюсь, ты не могла бы посмотреть по телефонному справочнику, где номера расписаны по улицам, телефоны жильцов дома семнадцать по авеню Шатийон?

Мегрэ засомневался, стоит ли бриться, решил, что не стоит, хотя выходить из дому в таком виде ему было неприятно, зато он выигрывал время.

— Семнадцать... Так... Дом...

— Отлично. Значит, у консьержки телефон есть.

— Вот номер мадам Бруссар, акушерки. И все. Кофе будет через две минуты.

Надо было сказать Жоффру, чтобы прислал служебную машину с набережной Орфевр, но теперь быстрее было вызвать такси.

Этим занялась мадам Мегрэ. Через пять минут, обжегши рот горячим кофе, комиссар уже спускался по лестнице.

— Ты мне позвонишь? — спросила жена, перегнувшись через перила.

Она редко просила его об этом. Должно быть, почувствовала, что он озабочен сильнее, чем обычно.

— Постараюсь, — пообещал Мегрэ.

Подъехало такси. Он сел в него, едва обратив внимание на то, что снег прекратился и ни на улице, ни на крышах уже нет белых следов, а мостовые почернели от ледяного дождя.

— Авеню Шатийон.

Комиссар принялся, потому что салон пропах духами. Очевидно, предыдущими пассажирами такси была пара, протанцевавшая всю ночь в каком-нибудь кабаре.

Чуть позже он нагнулся поднять с пола комочек розовой ваты, из тех, какие взрослые люди бросают друг в друга после полуночи, когда пьют шампанское.

Глава 7

Винтовая лестница

Мегрэ вышел из машины на углу авеню Шатийон.

Здесь, как и в его квартале, тротуары, мокрые от дождя, были пусты; как и на бульваре Ришар-Ленуар, свет горел в очень немногих окнах, в трех-четырех на дом; пройдя сотню метров, он увидел, как зажглись еще два, услышал на еще темном первом этаже звон будильника.

Он взглядом искал Лапуэнта в щели, но не нашел и стал ворчать, потому что тревожился да к тому же не совсем проснулся.

В коридоре дома из желтого кирпича он наконец заметил очень маленького роста женщину, столь же широкую в бедрах, как и в плечах, которая, очевидно, была консьержкой, и служащего метро, держащего в руке жестяную коробку, видимо с обедом, а также вторую женщину — старуху с накрученными на бигуди седыми волосами, одетую в небесно-голубой шерстяной халат и шаль ядовито-фиолетового цвета.

Все трое молча смотрели на него, и лишь позже он понял, что случилось, понял причину отсутствия Лапуэнта на улице. А пока, пусть всего на несколько мгновений, ощутил пустоту в груди, потому что решил, что в результате стечения обстоятельств, которые он даже не пытался угадать, его инспектор погиб.

Все оказалось проще, как и всегда. Когда Жизель Мартон прибежала к консьержке позвонить, та уже встала и варила кофе, но еще не выносила мусор. Она услышала звонок в полицию, потом сообщение мадам Мартон, которая выбежала из ее комнатки, не дав никаких объяснений.

Консьержка, как и каждое утро, открыла одну створку дверей и принялась вытаскивать на тротуар мусорные баки. Как раз в этот момент Лапуэнт переходил улицу, намереваясь заглянуть во двор, что он неоднократно делал за ночь. Из-за только что сделанного Жизель звонка консьержка посмотрела на него с подозрением:

— Вы что тут ищете?

— Надеюсь, в доме не произошло ничего подозрительного?

Он показал ей полицейский жетон.

Так вы из полиции. Мадам из домика во дворе только что вызвала полицию. Что это за штучки?

Таким образом Лапуэнт смог пересечь двор, на сей раз не прячась, и постучать в дверь, из-под которой пробивалась полоска света. Три окна на втором этаже тоже были освещены.

Мегрэ стучать не пришлось. Его шаги услышали, и дверь ему открыл уже находившийся в домике бледный от усталости Лапуэнт. Он не сказал ни слова — зрелище, представшее его патрону, говорило само за себя.

На стоящем в мастерской-гостиной диване, который на ночь превращался в кровать, где спал Ксавье Мартон, простыни были смяты, подушка лежала боком на полу, покрытом бежевым ковром, а на полпути между кроватью и винтовой лестницей, ведущей на второй этаж, ничком, уткнувшись лицом в пол, лежал любитель игрушечных железных дорог.

Полоски пижамы еще сильнее подчеркивали скрюченность тела. Казалось, он рухнул в тот момент, когда полз на четвереньках, и потом корчился в судорогах, пальцы вцепились в ковер, словно в последнем усилии он пытался дотянуться до револьвера, валявшегося сантиметрах в двадцати от его пальцев.

Мегрэ не спросил, мертв ли Мартон. Это было очевидно. На него молча смотрели три человека, ибо две женщины тоже были здесь, почти такие же неподвижные, как труп, в халатах, наброшенных поверх ночных рубашек, и в тапочках на босу ногу. Волосы Дженни, более темные, чем у сестры, падали на лоб, закрывая ей один глаз.

Машинально, даже не думая о том, что говорит, Мегрэ прошептал, обращаясь к Лапуэнту:

— Ты ни к чему не притрагивался?

Лапуэнт покачал головой. Под глазами у него залегли синяки, на щеках за ночь выступила щетина, как у мертвеца и как у самого Мегрэ.

— Извести районный комиссариат. Позвони в отдел экспертизы, пусть высылают фотографов и экспертов.

И доктору Полю тоже позвони...

— А в прокуратуру?

— Позже. Успеется.

В той части Дворца правосудия жизнь начиналась куда позже, чем на набережной Орфевр, и Мегрэ не хотелось, чтобы эти господа явились так рано путаться у него под ногами.

Он внимательно всматривался в обеих женщин. Ни одна, ни другая, похоже, даже не думали садиться. Прислонившись спиной к стене возле стола, на котором стоял игрушечный поезд, свояченица Мартона комкала в руке платок, которым время от времени промокала красные глаза, и шмыгала носом, будто у нее был насморк. Ее большие темные глаза, добрые и какие-то испуганные, напоминали глаза некоторых лесных животных, ланей например, и от нее исходил сильный постельный жар.

Более холодная или более собранная, Жизель Мартон смотрела на комиссара, и ее руки время от времени непроизвольно сжимались.

Лапуэнт вышел, пересек двор. Сейчас он, должно быть, звонил от консьержки. Обе женщины, очевидно, ожидали, что Мегрэ начнет их допрашивать. Возможно, на мгновение у него и мелькнула такая мысль, но в конце концов он произнес вполголоса:

— Идите оденьтесь.

Это их обескуражило, причем Дженни сильнее, чем Жизель. Она открыла рот, чтобы заговорить, но ничего не сказала и, бросив на сестру суровый и полный ненависти взгляд, первой стала подниматься по лестнице; и пока она поднималась, комиссар мог видеть ее голые белые бедра.

— Вы тоже...

— Знаю, — ответила Жизель хрипловатым голосом.

Казалось, она ждала, пока сестра закроется в своей комнате, чтобы в свою очередь подняться на второй этаж.

Мегрэ остался один с трупом Мартона всего на несколько секунд и за это время едва успел оглядеть комнату. Однако обстановка фотографически отпечаталась в его памяти во всех малейших деталях, и он знал, что извлечет их на свет, как только они ему понадобятся.

Он услышал, как, визжа тормозами, остановился автомобиль, хлопок дверцы. Шаги по двору, и, как это сделал для него Лапуэнт, открыл вновь приехавшим дверь.

Он знал Буассе, инспектора из XIV округа, которого сопровождали ажан в форме и маленький толстенький человечек с медицинским саквояжем.

— Проходите... Думаю, доктор, вам остается лишь констатировать смерть. Скоро приедет доктор Поль...

Буассе вопросительно на него посмотрел.

— Я занимаюсь этим делом уже два дня, — прошептал Мегрэ. — Объясню позднее... Пока что ничего поделать нельзя...

Они слышали над головой шаги, журчание спущенной в туалете воды...

Поскольку Буассе удивленно посмотрел на потолок, Мегрэ пояснил:

— Жена и свояченица...

Комиссар чувствовал такую усталость, словно это не Лапуэнт, а он проторчал всю ночь на холоде, под дождем. Инспектор вскоре вернулся. Врач, на секунду опустившийся на колени возле тела, быстро поднялся. Направил луч карманного фонарика на неподвижные глаза мертвеца, затем приблизил лицо к его губам и принюхался:

— На первый взгляд похоже на отравление.

— Так оно и есть.

Лапуэнт жестом показал Мегрэ, что выполнил его поручение. Во дворе слышались голоса — зеваки собрались возле закрытых ставен.

Мегрэ обратился к ажану в форме:

— Выйдите и прикажите им разойтись.

— Я вам еще нужен? — поинтересовался медик.

— Нет. Имя умершего для свидетельства о смерти вам сообщат позже.

— Всего хорошего, господа! Буассе знает, где меня найти...

Жизель Мартон спустилась первой, и Мегрэ сразу обратил внимание, что на ней костюм, а под мышкой — меховое манто. В руке она держала сумочку. Похоже, ожидала, что ее заберут. Она подкрасилась, впрочем очень неброско. Выражение ее лица было строгим, вдумчивым и немного изумленным.

Когда, в свою очередь, появилась Дженни, на ней было черное платье. Заметив, как одета ее сестра, она, облизав губы, спросила:

— Мне взять пальто?

Мегрэ кивнул. Пристальнее других за ним наблюдал Лапуэнт, на которого поведение патрона редко производило такое сильное впечатление. Он чувствовал, что это не обычное расследование, что

комиссару не хочется использовать обычные методы расследования, но он не имел ни малейшего представления, что тот собирается делать.

Нервы были так напряжены, что для всех стало облегчением, когда Буассе закурил сигарету. Он протянул пачку Лапуэнту, но тот отказался, и тогда, видя, что Жизель ждет, будто на перроне, стараясь не смотреть на мертвеца, спросил:

— Вы курите?

Она взяла сигарету. Буассе поднес ей зажигалку, и женщина стала прикуривать, нервно затягиваясь.

— Полицейская машина перед дверью? — спросил Мегрэ инспектора районного комиссариата.

— Я ее оставил на всякий случай.

— Можно мне ею воспользоваться?

Комиссар опять поглядел по сторонам, словно желая убедиться, что не забудет ни одной детали. Он собирался дать обеим женщинам знак трогаться в путь, но вдруг передумал.

— Секунду... — сказал он и поднялся на второй этаж, где остались включенными лампы. Там были две спальни, ванная и чуланчик, в котором громоздились чемоданы, старые сундуки, манекен, какими пользуются швеи, а прямо на полу стояли две старые керосиновые лампы и стопки пропыленных книг.

Комиссар вошел в первую спальню, ту, что побольше.

В ней стояла двуспальная кровать, и по аромату духов он понял, что это спальня мадам Мартон. Его догадку подтвердило содержимое шкафов, где он нашел одежду уже знакомого ему стиля — простого и элегантного, то есть шикарного. На полочке, чуть возвышавшейся над полом, выстроилась в ряд дюжина пар обуви.

Постель была разобрана, как и внизу. На нее были небрежно брошены ночная сорочка и нежно-розовый халат. На туалетном столике стояли баночки с кремами, флаконы, серебряный несессер для маникюра, булавки в китайской шкатулке.

В другом шкафу висела мужская одежда — всего два костюма, спортивная куртка, стояли две пары ботинок, сандалии. Внизу шкафа, очевидно, не было, и Мартон продолжал хранить свои вещи в супружеской спальне.

Мегрэ выдвинул по очереди ящики комода, открыл дверь и попал в ванную. На стеклянной полочке он увидел три стакана с зубной

щеткой в каждом и понял, что ванной поочередно пользовались все трое живущих в доме. На мятых полотенцах, одно из которых валялось на полу, были следы губной помады. На унитазе и кафельной плитке были засохшие пятнышки, как будто ночью у кого-то случился приступ рвоты.

Вторая спальня не сообщалась с ванной комнатой, и, чтобы попасть в нее, надо было выйти в коридор.

Она была поменьше, оклеена синими обоями в цветочек, кровать в ней стояла односпальная.

Здесь царил такой же беспорядок, как и в комнате по соседству. Дверь шкафа осталась открытой. На твидовом пальто марка нью-йоркского портного, обуви всего четыре пары, две из которых также приехали с хозяйкой из Америки. На покрытом клеенкой столе, служившем туалетным, была целая куча разных предметов — карандаш со сломанным грифелем, авторучка, мелкие монеты, расчески, булавки для волос, щетка, потерявшая половину щетины.

Мегрэ все это отпечатывал в памяти. Спустившись по лестнице, он оставался таким же тяжеловесным, глаза его еле двигались. Он обнаружил, что кухня расположена на первом этаже, за перегородкой, установленной в углу, где прежде, очевидно, была мастерская. Он открыл дверь в нее, по-прежнему сопровождаемый взглядом Жизель.

Кухня была маленькой. В ней стояла газовая плита, белый буфет, раковина и покрытый клеенкой стол. Никакой посуды ни на столе, ни в раковине, фаянс которой был сухим.

Мегрэ вернулся к присутствующим, неподвижным, словно экспонаты музея восковых фигур.

— Встреть господ из прокуратуры... — сказал он Лапуэнту. — Извинись за меня перед доктором Полем и попроси его позвонить мне, как только он сделает все необходимое. Я кого-нибудь пришлю тебе в помощь, пока не знаю, кого именно...

Он повернулся к обеим женщинам:

— Прощу вас следовать за мной...

Из них двоих свояченица была больше напугана, и создавалось ощущение, что ей неприятно покидать дом.

Жизель же, напротив, решительно вышла за дверь и, держась очень прямо, ждала их под дождем.

Ажан, прогнавший любопытных со двора, не мог помешать им образовать кружок на тротуаре. Старуха стояла там, набросив шаль на голову и укрываясь ею вместо зонта от дождя. Служащий метро, к собственному сожалению, был вынужден уйти на работу.

И все эти люди смотрели на выходящих, как зеваки всегда наблюдают за действиями, кажущимися им таинственными и одновременно драматическими. Ажан оттеснял толпу, чтобы расчистить путь к машине, и комиссар пропустил женщин вперед.

Послышался голос:

— Их забирают...

Комиссар захлопнул за ними дверцу и обошел машину, чтобы сесть рядом с одетым в форму шофером.

— В уголовную полицию, — распорядился он.

Начинало ощущаться рождение дня, пусть еще и неясно. Машина, обгоняя автобусы, катила мимо невыспавшихся людей, нырявших в метро.

Когда они попали на набережные, фонари почти погасли, на фоне неба выделялись башни Нотр-Дама.

Автомобиль въехал во двор. За все время дороги две женщины не произнесли ни слова, но одна из них, Дженни, неоднократно шмыгала носом, а один раз долго сморкалась. Когда она выходила из машины, у нее был красный нос, как у Мартона в его первый приход.

— Прошу сюда, дамы.

Он пошел впереди них по широкой лестнице, которую как раз сейчас мыли, открыл стеклянную дверь и поискал глазами Жозефа, но того на месте не оказалось.

В конце концов он провел обеих женщин в свой кабинет, включил свет, заглянул в комнату инспекторов, где пока что находились всего трое его сотрудников, ни один из которых ничего не знал об этом деле.

На всякий случай он выбрал Жанена.

— Вы можете недолго побыть в моем кабинете с этими дамами? — И обращаясь к ним: — Присаживайтесь, пожалуйста. Полагаю, вы не успели выпить кофе?

Дженни не ответила. Мадам Мартон покачала головой.

Мегрэ уверенным шагом подошел к двери и запер ее изнутри на ключ, который положил в карман.

— Вам лучше присесть, — повторил он, — потому что наш разговор, возможно, будет продолжительным.

Он прошел в соседний кабинет:

— Барон! Позвоните в «Дофину». Пусть принесут большой термос кофе... Черного... Три чашки и круассаны.

Затем он опустился на стул возле окна, снял трубку другого аппарата и попросил соединить его с квартирой прокурора. Должно быть, тот только что встал и, очевидно, одевался или завтракал. Однако ответил не слуга, а он сам.

— Говорит Мегрэ, господин прокурор. Мартон мертв.

Тот человек, о котором я вам рассказывал вчера утром.

Нет, я на набережной Орфевр. На авеню Шатийон я оставил инспектора Лапуэнта. Доктор Поль извещен. Да, да, экспертно-криминалистический отдел тоже. Не знаю...

Обе женщины у меня в кабинете... — Говорил он тихо, хотя дверь, соединяющая два кабинета, была закрыта. — Не думаю, что смогу поехать туда утром сам. Я пошлю другого инспектора, чтобы сменить Лапуэнта.

Вид у него был почти виноватый. Закончив разговор, он посмотрел на часы и решил дожидаться прихода Жанвье, чтобы отправить на место происшествия его: он скоро придет и уже в курсе дела.

Проведя руками по щекам, он попросил третьего инспектора, Бонфиса, занятого составлением сводки ночных происшествий:

— Вы не могли бы принести из моего шкафа бритву, мыло и полотенце?

Мегрэ предпочитал не делать этого самому в присутствии женщин. Держа предметы туалета в руках, он прошел по коридору в туалет, снял пиджак и побрился. Он не спешил, словно желая оттянуть момент, когда ему придется делать то, что он должен был делать. Сполоснув лицо холодной водой, он вернулся к своим сотрудникам, к которым присоединился гарсон из пивной «У дофины», который не знал, куда поставить поднос.

— Ко мне в кабинет... Сюда...

Комиссар снова снял телефонную трубку и позвонил жене.

— У меня сегодня будет напряженное утро. Я пока не знаю, смогу ли прийти домой обедать.

Голос Мегрэ звучал устало, и она спросила:

— Ничего плохого не случилось?

Что он мог ей ответить?

— Не волнуйся. Я сейчас позавтракаю.

Комиссар снова обратился к Бонфису:

— Когда придет Жанвье, передайте ему, чтобы зашел ко мне.

Он вошел в свой кабинет, который покинул гарсон, и отпустил Жанена. Потом, опять-таки в замедленном ритме, словно во сне, налил кофе в три чашки.

— Сахар? — спросил он сначала Жизель Мартон.

— Два кусочка.

Мегрэ протянул ей чашку и придвинул тарелку с круассанами, но она жестом показала, что не хочет есть.

— Сахар?

Дженни молча покачала головой. Она тоже не захотела есть, поэтому комиссар стал в одиночестве и без аппетита откусывать кусочки от еще теплого круассана.

Рассвело, но было еще недостаточно светло, чтобы можно было выключить свет. Дженни дважды открывала рот, чтобы задать вопрос, и дважды взгляд комиссара отбивал у нее желание говорить.

Мегрэ, налив себе вторую чашку кофе, медленно набивал одну из многочисленных трубок, разбросанных на столе.

Поднявшись, он поочередно оглядел своих собеседниц.

— Думаю, я начну с вас, — вполголоса сказал он, встав перед мадам Мартон.

Дженни вздрогнула и в очередной раз хотела что-то сказать.

— А вас я попрошу подождать в соседнем кабинете в обществе одного из моих инспекторов. — Он вызвал Жанена. — Отведите мадам в зеленый кабинет и оставайтесь с ней, пока я вас не вызову.

Такое происходило не в первый раз. Инспектора к этому уже привыкли.

— Хорошо, патрон.

— Жанвье еще не пришел?

— Кажется, я слышал его голос в коридоре.

— Скажи, чтобы немедленно шел ко мне.

Жанен удалился вместе с Дженни, а через секунду вошел Жанвье, замерший в недоумении, увидев сидящую на стуле мадам Мартон, с

чашкой кофе в руке.

— Мартон мертв, — объявил Мегрэ. — Лапуэнт на месте. Он продежурил всю ночь, хорошо бы тебе его сменить.

— Инструкции будут, патрон?

— Лапуэнт все объяснит. Если возьмешь машину, успеешь раньше прокурорских.

— Вы не поедете?

— Не думаю.

Наконец обе двери закрылись, и в кабинете остались только Мегрэ и мадам Мартон. Можно было бы подумать, что она тоже ждала этого момента и, пока он молча сидел, посасывая трубку, потихоньку оживала, мало-помалу выходила из оцепенения, точнее — из неподвижности.

Было любопытно наблюдать, как розовели ее щеки, как во взгляде появилось другое выражение, помимо удивления.

— Вы считаете, что это я его отравила, так?

Мегрэ выдержал паузу. Он не впервые поступал так, избегая задавать вопросы в момент обнаружения преступления. Зачастую предпочтительнее не требовать от подозреваемых или свидетелей немедленного рассказа о случившемся, поскольку, зачастую сказав нечто в первый момент, они потом держатся за свои слова из страха быть обвиненными во лжи.

Комиссар намеренно давал и тем и другим время обдумать, решить, как себя вести и что говорить.

— Ничего я не считаю, — прошептал он наконец. — Обратите внимание: я не вызвал стенографиста. Я не стану фиксировать ваши слова. Просто расскажите мне, что случилось. — Мегрэ знал, что его спокойствие, простота, с которой он говорил, сбивают ее с толку. — Начните, например, со вчерашнего вечера.

— Что вы хотите знать?

— Все.

Это было затруднительно. Она мысленно спрашивала себя, с чего же начать, и он ей немного помог:

— Вы вернулись домой...

— Конечно, как и каждый вечер.

— В котором часу?

— В восемь. После закрытия магазина я выпила стаканчик аперитива в одном баре на улице Кастильон.

— С месье Харрисом?

— Да.

— Дальше?

— Мой муж вернулся раньше меня. Сестра тоже была дома. Мы сели за стол.

— Ужин готовила ваша сестра?

— Как всегда.

— Вы едите внизу, в гостиной, которая одновременно служит вашему мужу мастерской и спальней?

— Несколько месяцев назад он решил спать там.

— Сколько месяцев?

Жизель мысленно считала, шевеля губами.

— Восемь месяцев, — сказала она наконец.

— Что вы ели?

— Сначала суп. Тот же, что позавчера. Дженни всегда варит суп на два дня. Затем ветчину и салат, сыр и груши...

— Кофе?

— Мы никогда не пьем кофе по вечерам.

— Вы не заметили ничего необычного?

Она заколебалась и посмотрела комиссару прямо в глаза.

— Смотря что вы называете «необычным». Подозреваю, что некоторые вещи вам известны лучше, чем мне.

Доказательство то, что у дверей дежурил инспектор.

Прежде чем сесть за стол, я поднялась снять пальто и переобуться в тапочки. Так я узнала, что моя сестра выходила из дому и вернулась совсем недавно.

— Как вы это узнали?

— Я открыла дверь в ее комнату и увидела, что туфли еще мокрые и пальто влажное.

— Что вам понадобилось в ее комнате?

— Просто удостовериться, что она выходила.

— Зачем?

Не отводя глаз, Жизель ответила:

— Чтобы знать.

— Дженни убрала со стола?

— Да.

— Со стола всегда убирает она?

— Ей хочется вносить свою долю в семейный бюджет, поэтому она ведет хозяйство.

— Посуду моет тоже она?

— Иногда ей помогал мой муж.

— А вы нет?

— Нет.

— Продолжайте.

— Она приготовила отвар, как и каждый вечер. Это она приучила нас пить по вечерам отвар.

— Отвар? Ромашки?

— Нет. Звездчатого аниса. У моей сестры больная печень. Еще со времени жизни в Штатах она каждый вечер выпивает чашку анисового отвара, и мой муж тоже захотел попробовать, а потом и я. Знаете, как это бывает...

— Она принесла чашки на подносе?

— Да.

— И чайник?

— Нет. Она наполнила чашки на кухне и там же поставила их на поднос.

— Чем в этот момент занимался ваш муж?

— Пытался настроить радио на какую-то станцию.

— То есть, если я правильно помню вашу комнату, он сидел к вам спиной?

— Да.

— А вы что делали?

— Просматривала иллюстрированный журнал.

— Возле стола?

— Да.

— А ваша сестра?

— Она вернулась на кухню мыть посуду. Понимаю, к чему вы клоните, но я все же скажу вам правду. Я ничего не подливала в чашки, ни в чашку моего мужа, ни в остальные. Я ограничилась одной предосторожностью, к которой с некоторых пор прибегаю всегда, когда это возможно.

— Это к какой же?

— Незаметно повернула поднос так, чтобы предназначенная мне чашка досталась моему мужу или моей сестре.

— И вчера вечером ваша чашка стала?..

— Чашкой моего мужа.

— Он из нее выпил?

— Да. Вынул и поставил чашку на радиоприемник...

— Вы не покидали комнату? Других подмен быть не могло?

— Я думаю об этом в течение почти двух часов.

— К какому же выводу вы пришли?

— Перед тем как сестра принесла поднос, муж отправился на кухню. Дженни, возможно, станет это отрицать, но это правда.

— Зачем он туда ходил?

— Якобы посмотреть, не там ли оставил очки. Он их надевает для чтения и для того, чтобы настраивать приемник. Из комнаты слышно все, что говорится на кухне. Он не разговаривал с сестрой, вернулся почти сразу и нашел очки возле игрушечного поезда.

— Из-за этого его захода на кухню вы и переставили чашки?

— Возможно, но не обязательно. Я же вам сказала: я часто это делаю.

— Из боязни, что он вас отравит?

Она посмотрела на комиссара и не ответила.

— Что было потом?

— Ничего отличающего вчерашний вечер от прочих.

Сестра выпила свой отвар и вернулась на кухню. Ксавье послушал передачу по радио, ремонтируя мотор поезда, который предназначается уж не знаю кому.

— А вы читали?

— Час или два. Около десяти часов я поднялась в спальню.

— Первой?

ИЗ

— Да.

— Что в этот момент делала ваша сестра?

— Расстилала постель моему мужу.

— Вы часто оставляли их наедине?

— А почему нет? Что бы это изменило?

— Вы думаете, они пользовались этим, чтобы целоваться?

— Мне безразлично.

— У вас были основания полагать, что ваш муж был любовником вашей сестры?

— Не знаю, были ли они любовниками. Сомневаюсь.

Он вел себя с ней как влюбленный семнадцатилетний мальчишка.

— Почему вы только что сказали «сомневаюсь»? — спросил Мегрэ. Она ответила на его вопрос своим:

— Как, по-вашему, почему у нас нет детей?

— Потому что вы их не хотели.

— Это он вам сказал, не так ли? Возможно, коллегам он рассказывал то же самое. Мужчина не любит признаваться в том, что он практически импотент.

— Это случай вашего мужа?

Жизель устало кивнула в знак согласия.

— Видите ли, господин комиссар, существует множество вещей, о которых вы не знаете. Ксавье изложил вам свою версию нашей с ним жизни. Придя к вам, я не стала вдаваться в подробности. Этой ночью произошли события, которых я не понимаю, и знаю, что, когда расскажу о них вам, вы мне не поверите.

Мегрэ не подталкивал ее к признаниям. Напротив, предоставлял время сказать и тщательно взвесить свои слова.

— Я слышала слова врача. Он сказал, что Ксавье отравили. Возможно, это правда. Меня тоже отравили.

Комиссар невольно вздрогнул и испытующе посмотрел на нее:

— Вас отравили?

В памяти всплыла одна деталь, побуждавшая поверить ей: засохшие пятнышки на унитазе и кафеле.

— Я проснулась в середине ночи от жуткой боли в животе. Когда встала, то с удивлением почувствовала, что ноги стали ватными, сознание мутилось. Я бросилась в ванную и засунула два пальца в рот, чтобы вызвать рвоту. Простите за столь неприятные детали.

У меня внутри все горело, а во рту возник привкус, который я узнаю из тысячи.

— Вы разбудили сестру или мужа?

— Нет. Возможно, они меня слышали, потому что я несколько раз спускала воду. Я дважды промыла себе желудок, каждый раз выблевывая жидкость, сохраняющую тот же привкус.

— Вы не подумали вызвать врача?

— Чего ради? Раз я вовремя успела...

— Вы снова легли?

— Да.

— У вас не возникло желания спуститься на первый этаж?

— Только прислушалась. Ксавье ворочался в постели, как будто его беспокоили ночные кошмары.

— Вы считаете, что ваше недомогание вызвано той чашкой отвара?

— Полагаю, да.

— Вы продолжаете утверждать, что поменяли чашки местами на подносе?

— Да.

— А после этого не спускали глаз с подноса? Ваш муж или сестра не могли произвести новую подмену?

— Моя сестра находилась на кухне.

— То есть ваш муж взял чашку, предназначавшуюся вам?

— Надо полагать.

— Что означает, что ваша сестра пыталась отравить вашего мужа?

— Не знаю.

— Или же, поскольку ваш муж тоже был отравлен, она пыталась отравить вас обоих?

— Не знаю, — повторила Жизель.

Они долго молча смотрели друг на друга. В конце концов молчание нарушил Мегрэ. Он встал перед окном и, глядя на рябую от дождя Сену, набил новую трубку.

Глава 8

Пятно на подносе

Прижавшись лбом к холодному стеклу — так он делал в детстве и не изменил привычке теперь, — Мегрэ, не замечая того, что в голове начали колоть иголки, наблюдал за действиями двух рабочих, чинивших отопление на противоположном берегу Сены.

Когда Мегрэ обернулся, лицо его было усталым, и, направляясь к своему столу, чтобы сесть, он, стараясь не глядеть на Жизель Мартон, произнес:

— Вы ничего больше не хотите мне сказать?

Она колебалась недолго, а когда заговорила, комиссар непроизвольно поднял голову, потому что она спокойным, размеренным голосом, в котором не было ни вызова, ни подавленности, заявила:

— Я видела, как умирал Ксавье.

Знала ли она, какой эффект произведет на комиссара? Отдавала ли себе отчет, что внушила ему невольное восхищение? Он не помнил, чтобы в этом кабинете, через который прошли столько людей, хоть раз побывал человек, наделенный такой пронизательностью и таким хладнокровием. И еще — он не помнил никакого столь же непринужденного.

В этой женщине не ощущалось никакого человеческого чувства. Ни единой слабины.

Поставив локти на бювар, он вздохнул:

— Рассказывайте.

— Я снова легла, но никак не могла заснуть. Пыталась понять, что со мной случилось, и не понимала. У меня уже не было четкого представления о времени. Вы знаете, как это бывает. Кажется, что следуешь за мыслью, но в действительности в ее ходе появляются как будто провалы. Должно быть, я несколько раз забывалась сном. Один или два раза мне почудился шум, доносящийся снизу, шум, который производил мой муж, ворочаясь на кровати. По крайней мере, я так думала.

Один раз — уверена в этом — я уловила стон и решила, что ему снится кошмар. Это был не первый раз, когда он стонал и дрался во сне. Он мне рассказывал, что в детстве страдал лунатизмом, и приступы неоднократно повторялись, уже когда мы были женаты.

Жизель продолжала тщательно подбирать слова, говоря без эмоций, словно рассказывая где-то услышанную или вычитанную историю:

— В какой-то момент я услышала более громкий звук, как будто на пол упало нечто тяжелое. Мне стало страшно, и я не знала, стоит ли подниматься с постели. Я прислушалась, и мне почудился хрип. Тогда я встала, набросила халат и бесшумно направилась к двери.

— Вы не видели вашу сестру?

— Нет.

— И никаких звуков в ее спальне не слышали?

— Нет. Чтобы заглянуть в комнату на первом этаже, надо было спуститься на несколько ступенек, а я никак не могла решиться сделать это, осознавая грозящую опасность. Но все-таки, хоть и с неохотой, сделала это. Нагнулась...

— На сколько ступенек вы спустились?

— На шесть или семь. Я не считала. В мастерской горел свет, включена была только настольная лампа.

Ксавье лежал на полу на полдороге между его кроватью и винтовой лестницей. Выглядело это так, будто он полз и все еще пытался ползти. Он приподнялся на локте левой руки, а правую вытянул к револьверу, лежавшему сантиметрах в тридцати.

— Он вас видел?

— Да. Подняв голову, он с ненавистью смотрел на меня, лицо у него было искажено, на губах пена. Я поняла, что, когда он, уже слабея, с оружием в руке шел к лестнице, чтобы убить меня, силы его оставили, он упал, и револьвер отлетел за пределы его досягаемости.

Полуприкрыв глаза, Мегрэ ясно видел мастерскую, поднимающуюся к потолку лестницу и тело Мартона там, где он его нашел.

— Вы продолжили спускаться?

— Нет. Осталась на том же месте, не в силах отвести от него глаза. Я не знала точно, сколько сил у него осталось. Я была зачарована.

— Как долго он умирал?

— Не знаю. Он одновременно пытался схватить оружие и заговорить, выкрикнуть мне о своей ненависти.

В то же время он боялся, что я спущусь, схвачу револьвер и выстрелю. Очевидно, отчасти по этой причине я и не стала спускаться. Сама не знаю, я не думала... Он задыхался. Его сотрясали спазмы. Я подумала, что его тоже вырвет. Потом он издал вопль, его тело несколько раз дернулось, руки вцепились в пол, и наконец он замер в неподвижности. — Не отводя взгляд, она добавила: — Я поняла, что все кончено.

— И тогда вы спустились, чтобы убедиться в его смерти?

— Нет. Я знала, что он мертв. Не могу сказать, почему я была так убеждена в этом. Поднялась к себе в спальню и села на кровать. Мне было холодно, и я накинула на плечи одеяло.

— Ваша сестра так и не вышла из комнаты?

— Нет.

— Однако вы только что сказали, будто он издал вопль.

— Совершенно верно. Она наверняка его слышала.

Не могла не слышать, но осталась в постели.

— Вам не пришло в голову вызвать врача? Или позвонить в полицию?

— Если бы в нашем доме был телефон, я, возможно, так и сделала бы.

— Который был час?

— Не знаю. Я даже не подумала посмотреть на часы.

Я все еще пыталась понять.

— Если бы у вас был телефон, вы бы не поставили в известность о случившемся вашего друга Харриса?

— Конечно нет. Он женат.

— Итак, вы, даже приблизительно, не знаете, сколько времени прошло между моментом, когда ваш муж умер у вас на глазах, и примерно шестью часами утра, когда вы пошли к консьержке позвонить? Час? Два часа? Три?

— Больше часа, в этом я готова поклясться. Но меньше трех.

— Вы ожидали обвинения в убийстве?

— Я не строила иллюзий.

— И задавались вопросом, что будете отвечать на вопросы, которые вам станут задавать.

— Возможно. Сама того не сознавая. Я много думала. Потом услышала знакомый стук мусорных бачков, которые тянут по мостовой в соседнем дворе, и спустилась.

— Опять-таки не встретив сестру?

— Да. По пути я коснулась руки мужа. Она уже остыла. Я поискала в телефонном справочнике ваш домашний номер и, не найдя его, позвонила в дежурную часть, попросив вас известить.

— После чего вернулись к себе?

— Со двора я увидела свет в окне сестры. Когда я открыла дверь, Дженни спускалась по лестнице.

— Она уже видела тело?

— Да.

— Она ничего не сказала?

— Возможно, сказала бы, если бы в дверь почти сразу не постучали. Это был ваш инспектор. — И после короткой паузы добавила: — Если осталось немного кофе...

— Он остыл.

— Ничего.

Он налил ей, а заодно и себе.

За дверью кабинета, за окном продолжалась жизнь, повседневная жизнь, такая, какой ее организовали для своего спокойствия люди.

А здесь, в четырех стенах, был другой мир, трепет которого ощущался за каждой фразой, за каждым словом, мрачный и тревожный мир, в котором, однако, эта довольно молодая женщина чувствовала себя совершенно непринужденно.

— Вы любили Мартона? — спросил Мегрэ вполголоса, как будто помимо своей воли.

— Нет. Не думаю.

— Тем не менее вышли за него замуж.

— Мне было двадцать восемь. Все мои предыдущие попытки оказались неудачными.

— Захотелось респектабельности?

Жизель Мартов не обиделась, по крайней мере не подала виду.

— Во всяком случае, покоя.

— Вы выбрали из всех Мартона потому, что им было легче манипулировать?

— Возможно. Неосознанно.

— Вы тогда уже знали, что он почти импотент?

— Да. Я не этого искала.

— Первое время вы были с ним счастливы?

— Это слишком сильно сказано. Мы довольно хорошо ладили.

— Потому что поступал так, как вам хотелось?

Она делала вид, что не замечает агрессивности, от которой дрожал голос комиссара, ни того, как он на нее смотрит.

— Я себе не задавала этот вопрос.

Ничто не могло вывести ее из себя, однако в поведении начала сквозить некоторая усталость.

— Когда вы встретили Харриса, или, если вам так больше нравится, Мориса Швоба, вы в него влюбились?

Жизель задумалась, как будто хотела ответить особо точно.

— Вы все время употребляете это слово. Во-первых, Морис мог изменить мое положение в обществе, а я никогда не считала, что мое место — за прилавком в универмаге.

— Он сразу стал вашим любовником?

— Смотря что вы понимаете под словом «сразу». Через несколько дней, если мне не изменяет память. Мы не придавали этому значения, ни он, ни я.

— То есть ваши отношения основывались скорее на деловых интересах?

— Если хотите. Из двух гипотез вы, как мне известно, выберете наиболее пачкающую. Я бы скорее сказала, что Морис и я почувствовали, что мы одной породы...

— Потому что у вас были одинаковые амбиции. Вам никогда не приходило в голову развестись, чтобы выйти замуж за него?

— Чего ради? Он женат на женщине старше его, имеющей состояние, которое позволило ему открыть собственное дело на улице Сент-Оноре. А остальное...

Она давала понять, что остальное значило так мало!

— Когда вы начали подозревать, что ваш муж не в себе? Ведь у вас было такое впечатление, верно?

— Это не впечатление — уверенность. Я с самого начала знала, что он не такой, как всегда. У него бывали периоды экзальтации, когда он рассуждал о своей работе как говорил бы гений, и депрессии, когда он жаловался, что неудачник, над которым все потешаются.

— Включая вас.

— Разумеется. Мне кажется, он всегда был таким. В последнее время он был мрачным, встревоженным, смотрел на меня настороженно и внезапно, в самый неожиданный для меня момент, разражался упреками. А иногда донимал меня своими инсинуациями.

— Вам не приходило в голову уйти от него?

— Думаю, я жалела его. Он был несчастен. Когда из Америки вернулась моя сестра — в глубоком трауре, изображая из себя безутешную вдову, он был недоволен. Она нарушала его привычки, и он не мог ей простить, что она целыми днями не обращалась к нему ни с единым словом.

Я и сейчас не понимаю, как ей это удалось. А ведь удалось, и, очевидно, потому, что притворялась щепкой, потерянной в бурном океане жизни.

Наконец-то рядом с ним оказался кто-то более слабый, чем он сам. По крайней мере, он так думал. Понимаете? С моей сестрой он казался себе настоящим мужчиной, сильным человеком, уверенным в себе...

— Вам не хотелось развестись и предоставить им свободу действий?

— Они были бы несчастны вместе, потому что на самом деле моя сестра отнюдь не плакса-размазня. Наоборот.

— Вы ее ненавидите?

— Мы с ней никогда не любили друг друга.

— В таком случае почему приняли в своем доме?

— Потому что она мне навязалась.

Мегрэ чувствовал тяжесть на плечах и неприятный привкус во рту, потому что понимал: все это правда.

Жизнь в домике на авеню Шатийон протекала в той самой атмосфере, которую мадам Мартон описала в нескольких фразах, и он мог себе представить почти молчаливые вечера, во время которых каждый замыкался в своей ненависти.

— На что вы надеялись? Что это не продлится долго?

— Я ходила к врачу.

— К Стейнеру?

— Нет. К другому. Я ему все рассказала.

— Он не посоветовал вам добиваться госпитализации вашего мужа?

— Он мне посоветовал подождать, сказав, что симптомы еще недостаточно четкие и не замедлит произойти более сильный кризис...

— Таким образом, вы предвидели кризис и держались начеку?

Жизель едва заметно пожалала плечами.

— Я ответила на все вопросы? — спросила она после некоторой паузы.

Мегрэ искал, о чем бы ее еще спросить, и не находил, ибо темных пятен для него не осталось.

— Когда вы остановились на лестнице и увидели вашего мужа на полу, у вас не возникло желания прийти ему на помощь?

— Я не знала, вдруг у него осталось достаточно сил, чтобы схватить револьвер...

— Вы уверены, что ваша сестра в курсе всего того, что вы мне только что рассказали?

Она посмотрела на него не отвечая.

Чего ради продолжать? Ему хотелось бы поймать ее на противоречиях, обвинить в убийстве, но она не подставлялась и не уклонялась от ответов.

— Полагаю, — прошептал он, выпуская последнюю стрелу, — у вас никогда не возникало желания избавиться от мужа?

— Убив его?

Она явно делала разницу между «убить» и «госпитализировать». На его «да» она просто заявила:

— Если б мне пришла в голову мысль его убрать, я бы все тщательно продумала и сейчас не сидела бы здесь.

Опять верно. Если кто и способен совершить идеальное преступление, так именно эта женщина.

Нет, она не убивала Мартона! Раскуриив по новой трубку и раздраженно поглядев на сидящую перед ним Жизель Мартон, Мегрэ тяжело встал и, с затекшим телом и отупевшим мозгом, направился к двери, ведущей в кабинет инспекторов.

— Соедините меня с домом семнадцать по авеню Шатийон. С консьержкой. Жанвье в домике во дворе. Пусть она позовет его к аппарату.

Он вернулся на свое место, и пока ждал, мадам Мартон припудривала лицо, как делала бы в театре во время антракта. Наконец зазвонил телефон.

— Жанвье? Мне бы хотелось, чтобы ты, не кладя трубку, вернулся во флигель и внимательно осмотрел поднос, который должен находиться на кухне... — Он повернулся к Жизель Мартон. — Поднос круглый, квадратный?

— Прямоугольный, деревянный.

— Прямоугольный деревянный поднос, достаточно большой, чтобы на нем уместились три чашки и три блюда... Я хочу знать, есть ли на нем царапина или какой-либо другой знак, позволяющий понять, той или иной стороной ставят поднос. Понимаешь, что я хочу сказать?.. Секунду... Эксперты все еще там? Отлично!

Попроси их осмотреть флакон, стоящий в чулане для швабр. Там находится белый порошок. Пусть снимут с него отпечатки пальцев.

На второй вопрос Жанвье смог ответить сразу:

— Отпечатков нет. Они его уже осмотрели. Флакон вытерли влажной, немного сальной тряпкой. Очевидно, той, которой моют посуду.

— Из прокуратуры приезжали?

— Да. Следователь недоволен.

— Из-за того, что я его не дождался?

— В основном потому, что вы увезли обеих женщин.

— Скажи ему, что, когда он вернется к себе в кабинет, все уже, очевидно, закончится. Что за следователь?

— Комельо.

Он и Мегрэ не выносили друг друга.

— Скорей сходи осмотри поднос. Я остаюсь у аппарата.

Он услышал голос Жизель Мартон, на которую больше не обращал внимания:

— Если бы вы спросили меня, я бы вам сразу сказала. Есть знак. Он получился ненароком. Просто на одной из коротких сторон прямоугольника немного вздулся лак.

Действительно, через несколько секунд немного запыхавшийся от бега Жанвье сказал:

— В одном месте на лаке есть вздутие.

— Спасибо. Больше ничего?

— В кармане Мартона обнаружили смятую бумажку с фосфатом цинка.

— Знаю.

Мегрэ не был уверен, но знал, что бумажка окажется именно в кармане мертвеца, что ее найдут где-то в комнате.

Он положил трубку на рычаг.

— Когда вы увидели, что ваш муж направился на кухню, вы ведь догадались, что он собирается там делать, не так ли? Потому и поменяли местами чашки?

— Я их меняла всякий раз, когда предоставлялась возможность.

— Ему тоже случалось менять их?

— Совершенно верно. Вот только вчера вечером ему это сделать не удалось, потому что я не сводила с подноса глаз.

На бульваре Ришар-Ленуар тоже был поднос, не деревянный, а серебряный — свадебный подарок. Чашки Мегрэ и его жены были совершенно одинаковыми, не считая едва заметной трещинки на той, из которой пил комиссар. Но они никогда их не путали. Когда мадам Мегрэ ставила поднос на столик возле кресла мужа, тот был уверен, что та чашка, что ближе, — его.

Он снова встал. Мадам Мартон следила за ним с любопытством, но без тревоги.

— Вы можете зайти на секунду, Люка? Найдите свободный кабинет, все равно какой, и перейдите туда с ней. Оставайтесь там, пока я вас не вызову. Да, и заодно скажите, чтобы привели ее сестру.

Мадам Мартон последовала за инспектором, не задав комиссару ни одного вопроса. А тот, оставшись один, открыл шкаф, извлек оттуда бутылку коньяку, которую держал не столько для себя, сколько для некоторых клиентов, которые в этом нуждались, и налил себе янтарной жидкости в стакан для воды.

Когда в дверь постучали, он закрыл шкаф и едва успел вытереть губы.

— Входите!

В кабинет ввели Дженни, лицо которой было смертельно бледным, припухшим, с красными пятнами, какие остаются, если человек плакал.

— Присаживайтесь.

Стул, который совсем недавно занимала ее сестра, был еще теплым. Дженни посмотрела по сторонам, обескураженная тем, что оказалась наедине с комиссаром.

Он остался на ногах и ходил взад-вперед, не зная, как взяться за дело. Наконец, встав перед ней, произнес:

— Какого адвоката вы выбираете?

Дженни резко подняла голову, ее влажные глаза расширились. Губы зашевелились, но заговорить она не смогла.

— Я предпочитаю допросить вас в присутствии вашего адвоката, чтобы у вас не создалось впечатления, будто использую запрещенные приемы.

Наконец ей удалось пробормотать:

— Я не знаю ни одного адвоката.

По ее щекам катились слезы.

Комиссар взял с полки книжного шкафа справочник коллегии адвокатов и протянул ей:

— Выберите из этого списка.

Она покачала головой:

— Зачем?

Он предпочел бы, чтобы на этом месте сидела та, другая!

— Вы признаете?..

Она кивнула, нашла в сумочке платок, высморкалась без всякого кокетства, и ее нос еще больше покраснел.

— Вы признаете, что имели намерение отравить сестру?

И тут она разрыдалась:

— Я ничего уже не знаю... Не мучайте меня... Скорей бы уж все это закончилось...

Она даже не думала о том, чтобы скрыть свое мокрое лицо.

— Вы любили своего зятя?

— Не знаю. Я уже не знаю. Полагаю, да... Сделайте так, чтобы все это прошло быстро, комиссар!.. Я больше не могу... — взмолилась Дженни.

Казалось, комиссар был застигнут врасплох признанием молодой женщины. Проходя мимо, он даже несколько раз касался рукой ее плеча, как будто понимая, что она нуждается в человеческом прикосновении.

— Вы отдавали себе отчет в том, что Ксавье не такой, как все?

Она отвечала «да». Отвечала «нет». Она столкнулась со слишком сложными для нее проблемами.

— Это она его не понимала! — выкрикнула Дженни наконец. — Она сводила его с ума...

— Намеренно?

— Не знаю. Он нуждался... — Слова она подбирала с трудом. — Я пыталась...

— Успокоить его?

— Вы даже представить себе не можете, в какой атмосфере мы жили... Только когда мы оставались вдвоем, он и я... Потому что со мной он чувствовал себя хорошо, доверял...

— Когда вчера вечером, на набережной, Ксавье подошел к вам, он объявил, что сегодня утром ему предстоит пройти обследование?

Удивившись, что Мегрэ в курсе, она на мгновение замерла, разинув рот.

— Отвечайте... Я тоже пытаюсь освободить вас как можно скорее...

Дженни поняла смысл сказанного. Она не воображала, что комиссар говорит о том, чтобы выпустить ее, а о том, чтобы, в некотором смысле, освободить ее от себя самой.

— Он мне рассказал, — с неохотой призналась она.

— Это его пугало?

Дженни сказала «да» и шмыгнула носом, снова готовая расплакаться.

— Он думал, что она выиграла...

Подбор слов выдавал беспорядок в ее мыслях.

— Это ведь она его толкнула... Она предусмотрела, что он найдет яд, навоображает себе...

— Он ее ненавидел?

Дженни испуганно уставилась на комиссара, не смея ответить.

— И вы, вы тоже возненавидели сестру, верно?

Она помотала головой. Это не означало ни да ни нет.

Скорее, этим движением она пыталась отогнать кошмар.

— Вчера вечером, выйдя отсюда, — продолжал Мегрэ, — Мартон полагал, что после медицинского обследования его не выпустят на свободу. Значит, у него остался только один вечер. Это был его последний шанс...

Поведение продавца игрушечных железных дорог могло показаться нелогичным, и тем не менее оно не было лишено определенной логики, и Мегрэ начинал понимать определенные моменты трактата по психиатрии. Вот только то, что автор книги излагал заумными словами и сложными фразами, в конце концов оказалось человеческим.

— Когда он отправился на кухню, где находились вы...

Дженни вздрогнула, явно желая заставить его замолчать.

— Отвар уже был налит в чашки?

Комиссар был в этом уверен и не нуждался в ответе.

— Вы не видели, как он насыпал порошок?

— Я стояла к нему спиной. Он открыл ящик с приборами и взял нож. Я услышала звон ножей...

— И решили, что у него не хватило мужества насыпать яду?

Мегрэ ясно видел перед собой нож с темной деревянной ручкой, лежащий возле радиоприемника.

Под тяжелым взглядом комиссара Дженни еще немного колебалась, прежде чем простонать:

— Мне стало жалко...

Он мог бы заметить: «Уж во всяком случае, не вашу сестру!»

А она продолжала:

— Я была уверена, что его запрут в дурдом, что Жизель выиграла эту партию... Тогда...

— Тогда вы схватили флакон с фосфатом и всыпали большую дозу в чашку вашей сестры. У вас хватило присутствия духа вытереть флакон.

— У меня в руке было влажное полотенце.

— Вы убедились, что чашка, предназначенная вашей сестре, стоит на нужной стороне подноса...

— Умоляю вас, комиссар! Если б вы знали, какую ночь я провела...

— Вы все слышали?

А как она могла не слышать?

— И не спустились?

— Испугалась.

Она дрожала от запоздалого страха, и поэтому он вновь залез в шкаф.

— Выпейте, Дженни подчинилась, поперхнулась и чуть не выплюнула коньяк, обжегший ей горло.

Мегрэ чувствовал, что она дошла до той точки, когда хочется лечь на пол и лежать неподвижно, ничего больше не слыша.

— Если бы ваш зять вам все рассказал...

Вся сжавшись, она мысленно спрашивала себя, что еще ей предстоит узнать.

А Мегрэ вспоминал слова Ксавье, произнесенные в этом кабинете.

Тот объяснял, что, если бы у него возникло намерение избавиться от жены или отомстить ей, он бы воспользовался не ядом, а револьвером. И ведь это чуть было не удалось. Разве психиатры не рассуждают о строгой логике некоторых сумасшедших?

Это он подсыпал в свою чашку порошок, вороша ножи, причем подсыпал так быстро, что свояченица, стоявшая к нему спиной, подумала, будто в последний момент он струсил. Он рассчитал дозу с целью почувствовать себя достаточно плохо, дабы объяснить свой поступок, который совершит позднее, но так, чтобы не умереть. Не зря же он неделями торчал в библиотеках, штудируя труды по медицине и химии. Эту дозу, переставив чашки на подносе, приняла Жизель Мартон и почувствовала только недомогание.

Неужели всего этого Дженни не поняла за бесконечно длинную ночь, которую провела в спальне, прислушиваясь к раздававшимся в доме звукам?

Она все знала, стало доказательством этого то, что она еще больше сжалась на стуле и, как будто у нее уже не хватало сил четко выговаривать слова, пролепетала:

— Это я его убила...

Комиссар оставил ее в прострации, стараясь не шуметь и боясь только одного: что она сейчас свалится на пол. Затем на цыпочках вышел в кабинет инспекторов.

— Отведите ее вниз... Будьте деликатнее... Сначала в санчасть...
— распорядился он.

Мегрэ предпочитал не заниматься этим сам. Встав перед окном, он даже не посмотрел, кто из инспекторов направился в его кабинет.

Вины он не почувствовал. Не мог же он при первом визите Мартена послать его к психиатру. А тот, очевидно, не взял бы на себя ответственность направить его в стационар. Между ответственностью и безответственностью существует неопределенная зона, область теней, куда опасно соваться. Минимум два персонажа этой истории барахтались в ней, а третий...

— А со второй что делать, патрон?

Комиссар вздрогнул, обернулся и посмотрел взглядом человека, находящегося далеко-далеко от кабинета инспекторов:

— Пусть идет.

Он чуть не сказал: «Выгоните ее к такой-то матери».

Мегрэ дождался, пока его кабинет опустеет, и только тогда вошел туда. Почувствовав посторонние запахи, открыл окно.

Он глубоко вдыхал влажный воздух, когда у него за спиной Люка произнес:

— Не знаю, правильно ли я поступил. Перед уходом мадам Мартон попросила у меня разрешения позвонить.

Я разрешил, подумав, что ее разговор даст нам что-нибудь новое.

— Что она сказала?

— А знаете, с кем она разговаривала?

— С Харрисом.

— Она его зовет Морис. Извинилась, что не пришла к открытию магазина, но никаких подробностей не сообщала. Сказала только:

— Я вам все объясню, как только приеду...

Мегрэ закрыл окно, повернулся к нему спиной, и Люка, посмотрев на него, забеспокоился:

— В чем дело, патрон?

— Ни в чем. А что может быть? Она обещала, а эта женщина держит слово. В настоящий момент она едет в такси и, держа перед собой зеркальце, поправляет макияж...

Он вытряхнул трубку в пепельницу.

— Позвони в прокуратуру и, если Комельо вернулся, сообщи, что я сейчас к нему зайду.

Для комиссара Мегрэ дело было закончено. Дальнейшее касалось следователей и судей, и он не хотел оказаться на их месте.

---

notes

1

Площадь Пигаль, одноименная улица, а также площадь Бланш, расположенные в северной части Парижа, являются центром индустрии секса и проституции.

Сюрте женераль (с 1934 г. Сюрте насъональ) — национальная сыскная полиция (управления борьбы с уголовной и экономической преступностью, а также контрразведка), действующая на всей территории страны. Префектура парижской полиции и подчиненная ей уголовная полиция не входят в состав Сюрте; их компетенция распространяется только на Париж и Парижский регион.

3

На площади Бово находится здание МВД Франции.